

Министерство образования и науки Российской Федерации
государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева»
Институт (Факультет) Филологический факультет
Кафедра Мировой литературы и методики ее преподавания

Пехова Елена Анатольевна

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Тема Критический метод К.И. Чуковского

Направление 44.04.01 Педагогическое образование

(код и наименование направления)

Магистерская программа Литературное образование

(наименование программы)

Допущена к защите

Заведующий кафедрой

Доцент, к. фил. наук Липнягова С.Г.
(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

(дата, подпись)

Руководитель магистерской программы

Доцент, к. фил. наук Липнягова С.Г.
(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

(дата, подпись)

Научный руководитель

Доцент, к. фил. наук Колпаков А.Ю.
(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

(дата, подпись)

Студент Пехова Е.А.

(фамилия, инициалы)

(дата, подпись)

Красноярск 2016

Реферат

Цель работы – выявить специфику литературно-критического метода Чуковского.

Предметом изучения диссертационного исследования стал литературно-критический метод Чуковского.

Объектом исследования являются литературно-критическое наследие Чуковского, включая дневниковые записи и письма за период 1900 – 1960-х годов.

Новизна диссертационного исследования. В работе впервые рассматривается вопрос об эволюции Чуковского-критика от ранних публикаций до поздних литературно-критических работ.

Методологической основой диссертации стал комплексный подход, который включает в себя философско-эстетический, культурологический и биографический методы исследования. Также в работе были использованы элементы герменевтического анализа.

Практическая значимость: материал проведенного исследования можно применить на элективных курсах о литературной критике в школе. Это позволит расширить представления как о литературно-критической деятельности Чуковского, так и о критике Серебряного века в целом.

Результаты исследования: отличительной чертой литературно-критического метода Чуковского становится лингвостилистический анализ (термин предложен М. Дроздой). А излюбленными приемами Чуковского-критика являются скрытая или откровенная полемика, прием выделения словесных доминант, анализ не «что» сказал писатель, а «как» он сказал (движение от содержания к форме). Ранние статьи – это кропотливые наблюдения над тематикой и лексикой отдельных писателей. В поздних Чуковский охватывает все творчество писателя. Критический метод Чуковского проходит эволюцию от сочетания в себе черт критики и фельетона, карикатурности к соединению критики и литературоведения.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Чуковский-критик в оценке современников	
1.1. Философско-эстетическая концепция Чуковского.....	11
1.2. О взаимоотношениях Чуковского с современниками.....	14
1.3. Чуковский-критик в оценке В. Розанова.....	25
Глава 2. Корней Чуковский как историк литературы	
2.1. Место Некрасова в литературно-критическом наследии Чуковского.....	34
2.2. Творчество Некрасова в дореволюционной критике Чуковского.....	38
2.3. Критический метод Чуковского (в статьях о Некрасове).....	46
2.4. Исследовательская концепция книги «Мастерства Некрасова».....	50
2.5. Интерпретация Чехова в работах Чуковского-критика.....	53
Глава 3. Методические рекомендации.....	62
Заключение.....	70
Список литературы.....	73

Введение

Личность К.И. Чуковского притягивает к себе взгляды на протяжении многих лет. Литературовед, критик, поэт, переводчик – роли сменяют друг друга, стоит открыть его 15-томное собрание сочинений. Л.Я. Гинзбург считала его «эстетическим фактом, артефактом» [Гинзбург, 1989, 322].

В дневниковых записях Чуковский отмечал, что литературно-критическая деятельность была главным смыслом его творчества. Хотя записи 20-х годов свидетельствуют об обратном – тогда его интерес принадлежал детской литературе. Наибольшее число публикаций Чуковского-критика совпадает с Серебряным веком.

Серебряный век стал временем расцвета литературной критики. В полемике о литературе принимали участие почти все писатели того времени. При этом критика Серебряного века имеет принципиальное отличие от других эпох. По словам автора главы о литературной критике 1880-1910-х годов И. Книгина, «модернисты создавали искусство для изысканной публики, для искушенного читателя, способного воспринять и оценить не “идейную сущность” произведения, а его поэтическую пронзительность и филигранность формы» [Прозоров, 2002, 220]. Большое влияние на критику Серебряного века оказали В.Я. Брюсов, А.Л. Волынский, Д.С. Мережковский, А. Белый.

Но, несмотря на плотность первоклассных статей, манифестов, публикаций, творчество Чуковского всегда находило отклик. Каждая статья, каждое публичное выступление Чуковского порождало массу споров и противоречий. Критики порицали его за пустоту работ, за отсутствие единственной темы, обвиняли в завышенной самооценке. Но в то же время каждый из тех, кто писал о Чуковском, отмечал его талант, его стиль, его потенциал. Некоторые современники (старшие критики) даже предостерегали Чуковского, чтобы он не скатывался вниз, до «ужей», которые стали заполнять литературу в начале XX века.

С 1920 года Чуковский-критик постепенно исчезает. После Октябрьской революции он практически не печатается. Критические портреты уступают место работе в издательстве «Всемирная литература». Именно там Чуковский вступил на путь литератора.

С 1920-х годов начинается известное всем детское творчество Чуковского. В этот период большинство критиков писали статьи о его произведениях для детей. Из этих работ становится ясно, что даже в сказках Чуковского не оставляли в покое. Однако теперь это была не столько литературная, сколько политическая критика. Его сказки запрещали печатать, вырезали не только слова, но и целые страницы. Об этом так же свидетельствуют и записи дневника: «Запретили в “Мойдодыре” слова “Боже, Боже” – ездил объясняться в цензуре»¹ [12, 59].

Также современники писали о том, что настоящая известность пришла к Чуковскому благодаря детскому творчеству, а не критике (например, статья ГП «Что читать детям»). В своих статьях С. Грин, А. Бойм, БП отмечали необыкновенную любовь Чуковского к детям. Он мог проводить с ними целые дни. По мнению современников, из этой любви и проистекает понимание Чуковского детей, их потребностей и желаний. Некоторые из исследователей уже в этот период времени пытались рассмотреть произведения для детей через призму педагогики (например, статья С. Грин). Все критики отмечали, что сказки Чуковского благотворно влияют на детей.

В военные и послевоенные годы о Чуковском словно забывают, хотя в эти годы выходят его работы о Некрасова, переизданная книга «От двух до пяти», сборник «Люди и книги». Нам удалось найти всего по одной статье на каждую из перечисленных выше работ. В этих статьях исследователи проводят не только анализ выбранных работ Чуковского, но и дают оценку

¹ Здесь и далее все ссылки на работы К.И. Чуковского даются по изданию: Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15-ти т. – М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2012-2013. В скобках обозначены номера тома и страницы.

творческой деятельности критика. В 1950-е годы ученые отмечали неценность Чуковского как ученого и литератора. Также исследователи предпринимают попытку разбора критического метода Чуковского (статья С. Соловьева).

С 1960-х годов начинается возвращение Чуковского в литературу. Связано это с присуждением ему Ленинской премии (1961 год) и получением ученой степени в Оксфорде (1962 год). Но возникает парадокс и здесь: до смерти Чуковского в печати появлялись работы о таких книгах как «От двух до пяти», «Живой как жизнь». Критические работы Чуковского и детские произведения опять остались не удел. В первое десятилетие после смерти Чуковского (с 1969 года по 1980 год) в свет выходят работы, посвященные творчеству Чуковского в целом, продолжается изучение критического метода и стиля литератора. В них дается не только анализ, но и попытка систематизировать все имеющееся творческое наследие Чуковского. Так же в печати появляются воспоминания о встречах с ним, его переписка с разными людьми. Особую ценность, на наш взгляд, представляют статьи с письмами Чуковского, которые были обнаружены за рубежом.

С 1980-х годов появляется все больше работ о Чуковском. Нам удалось найти порядка 70 работ. В статьях, посвященных памяти критика, дается комплексный взгляд на жизнь и творчество Чуковского (работы И. Мотяшова, М. Петровского). Некоторые статьи – это воспоминания их авторов о встречах и переписке с Чуковским (работы А. Ивахнова, В. Глоцера, З. Паперного, Е. Чуковского, Е. Чуковской). На общем фоне выделяются статьи о музее и библиотеке Чуковского в Переделкино, где он провел последние годы своей жизни. Тяготы жизни Чуковского отразились и тяготах его наследия: музей несколько лет не был музеем, дом пришел в запустение, но люди, тем не менее, ехали туда; библиотека переживала пожары, но все равно выстояла.

В этот же период начинается разбор творческого наследия Чуковского. Выходят статьи с анализом детских произведений (Б. Бегак, М. Петровский).

В них дан не только взгляд на сказки Чуковского, но и поиск предшественников творчества сказочника, попытки найти прообраз героев. В статьях, посвященных критическому и лингвистическому наследию Чуковского, продолжается работа по разбору метода и стиля критика. Исследователей волнуют такие вопросы: меняется ли стиль Чуковского на протяжении лет или остается прежним; чем обусловлено обращение Чуковского к тем или иным авторам; создает ли Чуковский новые традиции или его творчество – это продолжение уже известных литературных традиций и другие.

Особняком в эти годы стоят статьи исследователей о дневниках Чуковского. Он вел их на протяжении всей своей литературной деятельности – с 1901 года по 1969 год. Дневники Чуковского вместили в себя не только мысли и чувства их автора, но и многие литературные и исторические события, портреты тех, с кем встречался Чуковский, приметы непростого времени, в котором жил и творил Чуковский. Чаще всего исследователи обращаются к дневникам 1930-1969 годов (В. Максимов, Д. Шеваров, А. Сребницкий). Но не менее интересны и дневники с 1901 года по 1929 год (А. Турков). Лейтмотивом этих статей является мысль, что существовало два Чуковских: каким его знали в печати и каким он был в жизни.

Расцвет чуковедения начинается с 2000-х годов. С каждым годом появляются работы о Чуковском не только в сфере филологии, но и в сфере журналистики, психологии и педагогики. Продолжаются исследования сказок Чуковского: авторы статей восстанавливают историю созданий произведений, рассматривают восприятие сказок детьми и взрослыми, а так же выявляют двойной смысл детских произведений. Публикуется переписка Чуковского с отдельно взятыми персоналиями с комментариями и историей взаимоотношений. В XXI веке авторы работ о Чуковском пытаются разобраться в его феномене (А. Орлова-Новопольцева), проводят параллели между Чуковским и его современниками (Б.П. Шерр), не остается без внимания и стиль Чуковского (В. Перельмутер, Д.И. Петренко).

В эти годы активно продолжается не только исследование творческого наследия Чуковского. С начала века выходят все новые переиздания книг Чуковского: стихи, сказки, критические работы. Главным достижением в издательском деле по праву можно считать выход 15-ти томного собрания сочинений, в которое включены большинство работ Чуковского, его дневники и письма.

Литературно-критическое творчество Чуковского – это синтез традиционной критики и «новой» критики, которая начала формироваться в начале XX века. Современники рассматривали его творчество и в контексте культурно-исторической школы (В. Кранихфельд), и в контексте социологической критики (Е. Тарле). Но определить, к какому же направлению относятся его работы, они не смогли.

На наш взгляд, Чуковский-критика нельзя отнести ни к одному направлению. Его характеристики были своеобразным взрывом в критике XX века. Правда, современники характеризовали его манеру как фельетонную, беллетристическую, а чаще всего называли карикатуристом. И все упрекали его в одном – в отсутствии «манифеста», где бы он объяснял свои литературные принципы: «Он отлично вооружен, но ему ничего не надо: он просто забавляется, пуская меткую стрелу во всякого проходящего, <...> и не только наслаждение, но и большая заслуга, когда он выстрелом свалит то, что внутренне сгнило. Но здесь – его предел» [Гершензон, 1908].

Вместе с тем, анализ работ, посвященных литературно-критической деятельности Чуковского, свидетельствует о неугасающем интересе ученой публики к наследию Чуковского. Несмотря на обилие работ, в его творчестве остается неисследованным ряд важных проблем. Одна из них – литературно-критический метод Чуковского.

Актуальность данной темы обусловлена следующими факторами:

1. Неослабевающим интересом историков литературы к литературно-критическому наследию Серебряного века.

2. Особым местом в отечественной литературной критике К. И. Чуковского.
3. Неравномерностью изученности различных аспектов литературно-критического наследия К. И. Чуковского.

Цель работы – выявить специфику литературно-критического метода Чуковского.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Рассмотреть формирование философско-эстетической системы Чуковского;
2. Выявить рецепцию Чуковского-критика современниками;
3. Проанализировать эволюцию литературно-критического метода Чуковского в период 1900 – 1960-х годов.

Предметом изучения диссертационного исследования стал критический метод Чуковского, который объединил в себе различные направления: импрессионизм, формализм, социологизм, структурализм.

Объектом исследования являются статьи, дневниковые записи и письма за период 1900 – 1960-х годов.

Новизна исследуемого материала состоит в том, что в ней литературно-критический метод Чуковского рассматривается с точки зрения его эволюции.

Методологической основой диссертационного исследования стал комплексный подход, который включает в себя как философско-эстетический, так и структурно-семиотический анализ, что, в свою очередь, учитывает культурологический и биографический аспекты. Также в работе были использованы элементы герменевтического анализа.

Практическая значимость: материал проведенного исследования можно применить на элективных курсах о литературной критике в школе. Это позволит расширить представления как о литературно-критической деятельности Чуковского, так и о критике Серебряного века в целом.

Структура работы: диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка из 115 наименований.

Глава 1. Чуковский-критик в оценке современников

1.1. Философско-эстетическая концепция Чуковского

В начале XX века на литературной арене Одессы, а затем и Петербурга появляется молодой критик – Корней Чуковский. Его статьи почти сразу стали центром внимания остальных критиков благодаря своему своеобразию. Многие современники обвиняли его в том, что у него нет эстетической базы. Но это было не так.

Сейчас убедиться в обратном довольно просто. В собрании сочинений приведены конспекты Чуковского по философии, об этом свидетельствуют и дневниковые записи, в которых он писал о том, что прочитал и как воспринял прочитанное.

В чем заключалась философско-эстетическая концепция Чуковского-критика? Начнем с того, что она объединила в себе различные философские учения. Основными из них стали учение Канта о рассудке и философия Ницше. При этом он зачитывался и другими философами: «... прочтя Михайловского, Спенсера, Шопенгауэра, Плеханова, Энгельса, Ницше, я создал свою собственную философскую систему» [15, 575].

Интерес представляет взгляд Чуковского на само бытие. В своей первой статье «К вечно-юному вопросу» он описывает это так: «Все общественные проявления нашего бытия мне иногда представляются в виде линий, ведущих в одну точку, стремящихся к одной цели. В центре написано “существование”, а на радиусах: “нравственность, наука, любовь, искусство, патриотизм” и т.д.» [6, 222]. Даже если определенный радиус проходит центр пересечения, то его движение продолжается: «... каждая линия эта не хочет к центру идти, каждая думает, что она впереди не имеет никакой цели, что она

сама себе цель, что она параллельна с другими линиями» [6, 222-223]. И далее продолжает: «Когда данная линия дойдет до своей цели, она не останавливается, а идет себе дальше и потом, увидавши, что линия пошла дальше, люди говорят: видите, эта точка вовсе не цель. Эта линия служит сама себе целью» [6, 224]. Центром же эстетической концепции Чуковского является субъект, который проходит стадии рефлексии.

Эти мысли послужили основой для выведения особой теории Чуковского – так называемой теории Самоцели. По мнению Чуковского, все в нашей жизни создается ради себя самого: искусство ради искусства, наука для науки, нравственность ради нравственности.

Дальнейшее развитие концепция Чуковского получает в таких его ранних статьях – «Письма о современности: Письмо первое» (1902), «Дарвинизм и Леонид Андреев: Второе “письмо о современности”» (1902).

В них молодой критик обращается к такому явлению как индивидуализм. Но рассматривает его с точки зрения применения в литературе и публицистике. Как считает Чуковский, существует два взгляда на идею: во-первых, она является целью сама по себе, своего рода «вещью в себе»; во-вторых, идея – это орудие, средство для достижения целей большинства, которые избрали ее как ведущую в своей деятельности. Причем во втором взгляде на идею преобладает бессознательное обращение к ней.

И далее в первой работе рассматривает через призму этих взглядов определенные системы, популярные в то время: индивидуализм, марксизм, декадентство. После проведенного анализа, Чуковский приходит к выводу, что все они «обязательно служат одной-единственной старой, как мир, морали, – соответствию наших поступков с истинными общественными нуждами в каждую данную эпоху» [6, 237].

В статье «Дарвинизм и Леонид Андреев» Чуковский продолжает развивать мысль, поднятую в первой статье. Примечательно в этой статье так же то, как понимает индивидуализм сам Чуковский. По его словам «индивидуализм — наинужнейшее общественное учение... Как это ни

странно, но он, кричащий: долой общество! — сам служит ему; он, прославляющий бесцельность, сам имеет в высшей степени практическую цель» [6, 240].

Уже в этой работе обозначена будущая доминанта литературно-критических работ Чуковского — определение писательского «Я». Так, по мнению критика, существует два Л. Андреевых: первый — автор «Петьки на даче», «Вали», «Кусаки», а второй — автор «Стены», «Молчания» и других рассказов. И истинную ценность как в плане восприятия, так и в плане изучения имеет только настоящий Леонид Андреев.

Еще одним центром эстетической концепции Чуковского является понятие настроения. При соблюдении условий — отвлечение от лиц и картин, восприятие общего колорита, а не каких-либо частных, — и образуется настроение. Оно так же имеет свою конечную цель — ввести читателя, исследователя «в область философии, в область отвлеченных понятий, общих построений ума». [6, 251].

Исходя из записей дневника, Чуковский многие годы спустя вспоминал о системе самоцели как о своей нереализованной мечте: «Если бы жизнь моя не сложилась так трудно (многодетность, безденежье, необходимость писать из-за хлеба), я непременно стал бы философом» [13; 32].

Из статей за период 1901-1910-го годов интерес представляет статья «О короткомыслии» (1907). Чуковский описывает изменения, которые произошли в сфере литературной критики после того, как «скончался на наших глазах журнал — этот носитель длительного одномыслия, и народился альманах, сборник, “цветник”» [6, 536]. Вывод Чуковского оказывается неутешительным: нынешняя литературная критика потеряла «личность самого критикующего» [6, 535]; формулирования единой идеи избегают, а если она и есть, то «читатель все равно растаскает их по бревнышку» [6, 536].

Итак, Чуковский в первое десятилетие своей литературно-критической деятельности формирует свою философско-эстетическую концепцию. Наиболее ярко ее принципы отражены в письме М.Горькому, датированным

концом 1920 года. «Критика должна быть универсальной, научные выкладки должны претворяться в эмоции. Ее анализ должен завершаться синтезом, и, покуда критик анализирует, он ученый, но, когда он переходит к синтезу, он художник, ибо из мелких и случайно подмеченных черт творит художественный образ человека. Среди критиков у нас были эстетствующие импрессионисты, как Ин. Анненский, были философы, как В. Соловьев, ученые, как Овсяннико-Куликовский, не пора ли слить эти элементы воедино? Критика должна быть и научной, и эстетической, и философской, и публицистической» [14, 447].

1.2. О взаимоотношениях Чуковского с современниками

В истории русской литературной критики и журналистики конец XIX - начало XX веков совпадает с Серебряным веком. В это время критика претерпевает серьезные изменения: происходит переоценка прежних постулатов и представлений, корректируются методологические установки. В 1870-80-е годы журнальные публикации на литературные темы все чаще становятся желанным предлогом для философских, социологических и религиозно-этических раздумий.

Слежение за литературными новинками, оценку современной литературы берет на себя развивающаяся в 1870-80-е годы газетная критика: именно в это время, по мнению российского литературоведа В.В. Прозорова, в литературу приходят новые критики. Для них литература является не столько «источником широких социально-эстетических обобщений, сколько общеинтересной новостью, значимым фактом повседневной жизни» [Прозоров, 2002, 174]

Газетная критика потребовала новых умений: мобильного реагирования на литературные события, доступного оформления материала. Также в 1870-80-е годы зарождается «массовая» критика, которая почти отказывается от деления аудитории и пытается найти отклик в душе каждого. С началом XX

века окончательно формируется «массовая» критика. Главным свойством новой критики становится информационная насыщенность и оперативность: для критиков стало важно быстро подать материал и охватить как можно больше литературных явлений, глубина и аналитичность мышления отошли в их работах на второй план. Теперь фельетонная критика, в которую входили такие жанры как «беллетристический репортаж» и статьи-лекции, формирует читательский вкус [Прозоров, 2002].

К началу 1890-х годов перед литературной критикой встали вопросы, связанные с осмыслением и обобщением итогов практически полувекового развития русской литературы и с определением дальнейшего направления развития литературной критики. Произведения конца XIX века, как писал обозреватель газеты «Неделя», давали основания для того, чтобы «понять, или скорее почувствовать, что в них мы имеем дело не стою литературою, которую представляли собой Тургенев, Гончаров и гр. Л.Н. Толстой, а с чем-то иным, значительно от нее отличающимся» [Прозоров, 2002, 194-195].

В 1900-1910 годы наряду с профессиональными литературными критиками появляется новый тип критика – критика-фельетониста. Их статьи писались с учетом интереса широкой публики и, как правило, на злобу дня. Эти критики не вызывали всеобщего одобрения, а ведущие русские писатели старались их не замечать. Но среди читателей такая критика пользовалась успехом: к ее мнению прислушивались, по ней часто судили о новых произведениях. «Гг. критики легко усвоили себе новые приемы в освещении литературных произведений; они подходят к ним с одной теоретической меркой, поверхностно схватывая положительные или отрицательные стороны данного произведения, не подвергая своих взглядов и суждений практической проверке» - читаем в статье «Везувий, извергающий вату» [Фрид, 1911].

Позднее, в 1922 году, в своей статье «Методы и подходы» Б. Эйхенбаум так охарактеризует этот период критики: «Была критика – “субъективная”, импрессионистическая, философская и т.д. Выступала со своими “размышлениями” о том, о сем. Была и наука - “объективная”, академическая,

внутренне враждебная критике. Поучала с кафедры, уверенная в своих истинах. И вдруг – все это стало смешным анахронизмом. Научные истины, проповедуемые с кафедр, оказались наивным лепетом, а размышления критиков – пустым набором фраз, более или менее ловкой болтовней» [Эйхенбаум, 1922].

Ярким представителем новой – фельетонной – критики был К.И. Чуковский. С 1901 года Чуковский начал выступать (в основном статьи о художественных выставках и новых книгах) в газете «Одесские новости». В 1903 году был послан корреспондентом в Лондон. С 1904 года сотрудничал с журналом «Весы», а потом и с другими петербургскими журналами и газетами: «Речь», «Русское слово», «Нива» и т.д.

К творчеству Чуковского обращались на протяжении всей его критической деятельности. К сожалению, отношение современников к Чуковскому не было освещено в литературе. Анализ критических отзывов о творчестве Чуковского дает возможность определить не только место Чуковского в литературной критике начала XX века, но и выявить специфику литературно-критического метода.

Наибольшее количество критических отзывов о Чуковском приходится на 1908-1911 году, когда Чуковский занял прочное место среди петербургских критиков. Отправной точкой этих работ послужили такие работы Чуковского как: публичные лекции, различные статьи, сборник «От Чехова до наших дней» (1908).

В отношении Чуковского современники разбились на три «лагеря»: негативное отношение, лояльное отношение и те, кто выражал одобрение. Рассмотрим каждый подробнее.

На протяжении всей критической деятельности Чуковского называли «карикатуристом», «фельетонистом», «беллетристом», но в звании критика отказывали.

В своих критических работах Чуковский основывался на двух моментах: анализе произведений писателя и своих личных впечатлениях.

Именно личностный аспект современники считали лишним. «Мы жаждем целостного мирозерцания, которое помогло бы нам разобраться в хаосе впечатлений. Не впечатлиться мы хотим, а действовать, мы требуем, чтобы обращались не к нашим ощущениям, а к нашей воле. Но для этого критику необходимо иметь определенное мирозерцание» [Философов, 1908] – писал критик и религиозно-публицистический деятель Дмитрий Владимирович Философов. Из-за молодости Чуковского современники считали, что у него нет своей системы ценности, своего взгляда на жизнь. Из-за отсутствия мирозерцания Д. Философов считает, что Чуковский всего лишь «даровитый фельетонист».

Старшее поколение критиков было напугано быстро меняющейся критикой. С каждым годом критиков-фельетонистов становилось все больше. К 1910 году их объединили в тип, а главным среди всех поставили Чуковского. «К. Чуковский – “характерное” явление нашей жизни. В нем отразилась своеобразная, сложная, “мертвая” сторона современности. Он – тип» [Раевский, 1910]. По мнению Николая Алексеевича Раевского, одного из исследователей творчества А.С. Пушкина, суть работ Чуковского всегда сводится к «оперетке». Чуковский внушал современникам страх, потому что ко всему относился со смехом: «И там, где люди благоговейно молчали, или плакали кровавыми слезами, или смеялись сквозь слезы, - они начали развязно покатываться с хохоту...» [Там же, 1910]. Из-за подмены содержания внешне смешным, несущественным современники считали Чуковского не только ненужным, лишним, но и опасным для молодого поколения.

Современники, которые не воспринимали Чуковского как критика, в один голос утверждали, что в его работах нет мысли: они поверхностны, в них нет идеи. По мнению журналиста Ивана Васильевича Жилкина, Чуковский не является властителем своей мысли. Он считает, что «лукавая» мысль делает из Чуковского своего раба. Для этих современников Чуковский так и останется особым типом критика, практически «особой биологической

породой» - «талантливым малым» и не более того. Но в то же время, отдавая дань таланту Чуковского, они предостерегали его и советовали не уподобляться «Ужам», а «лететь за Соколами».

Но в Чуковском современников подкупало одно из важнейших качеств литературных критиков – его любовь к литературе: «Литература – его страсть» [Оленев, 1910]. Трепетное отношение к искусству в работах Чуковского выражается посредством личного стиля. На протяжении всей критической деятельности Чуковскому был чужд трафарет, он с завидным постоянством говорил своими словами и всегда оставался оригинален.

Чуковский соглашался с теми, кто называл его фельетонистом. Более того, после доклада о Гаршине, он заявил: «Я фельетонист, и горжусь этим!». Но его жанр критических рассказов с трудом можно назвать только фельетоном. Среди большого количества его «чуковщины» видны тонкие и остроумные критические замечания. В его «критиках-кариатурах» всегда есть «верный портрет писателя или литературного произведения».

В этом плане представляет интерес взгляд И. Василевского. Он считал Чуковского в первую очередь не критиком, а сатириком. По мнению Василевского, Чуковский – самый современный из русских литераторов. В его творчестве отразились основные признаки начала века: озлобленность, самонасмешливость, ирония и «хихиканье современной интеллигентской души».

В 1911 году в свет вышла еще одна книга Чуковского – «Критические рассказы». В этой работе стиль самого Чуковского неуловимо меняется. Если ранее он писал талантливые карикатуры, скорее наброски, то в этой книге перед читателем предстают полноценные портреты писателей. В «Критических рассказах» дается двойное отражение жизни: жизнь, преломленную сквозь призму писателей, и творчество самих писателей, показанное сквозь призму взглядов критика.

Чуковский был мастером на изобретательство тем. Но его манера письма всегда вызывала неоднозначную оценку. Критические работы

Чуковского заключают в себе не только похвалу писателю, но и замечания и упреки. Такая манера письма, по мнению Оскара Моисеевича Картожинского (псевдоним Оскар Норвежский) – советского журналиста и переводчика, напоминает кошку: «Ко всякому явлению литературной жизни он подходит по-кошачьи: изовьется, начнет ласкаться, невнятно мурлычит что-то приятное, а потом, гляди – царапнул во всю щеку» [Норвежский, 1908]. Но разве не в этом заключался основной смысл новой критики?

По мнению современников, в этом-то и заключалось основное предназначение Чуковского. «Миссия» Чуковского как критика состояла в том, чтобы «выливая ушаты холодной воды» освежить подлинных писателей, не дать им застояться. Для этого, как считает Леонид Петрович Гроссман, у Чуковского даже была разработана специальная система.

Исследовательские работы Л. Гроссмана посвящены главным образом русской литературе XIX века, ее поэтике, художественной форме и связям с общественной мыслью и литературой Западной Европы, а также драматургии, театральной жизни. Л. Гроссман много занимался вопросами библиографии и текстологии. Для его исследований характерно стремление к широким историческим параллелям («Лермонтов и культуры Востока», 1941, включает главу «Испанцы и Велижское дело»), к сопоставлению явлений литературы с другими сферами творчества — живописью («Лермонтов и Рембрандт», 1946), театром («Театр Тургенева», 1924; «Пушкин в театральных креслах», 1926, и др.), интерес к психологии творчества и личности художника (беллетризованные монографии: «Преступление Сухово-Кобылина», 1927; «Пушкин», 1939; «Н. С. Лесков», 1945, и др.).

Основным принципом критической системы Чуковского является поиск одной характерной черты творчества писателя, так называемая «мания». Отыскать эту черту значит определить все творчество данного автора. Но, по мнению Л. Гроссмана, высказанном в статье «Пинкертон критики», такой принцип не всегда действенен: существуют такой тип писателей, тайники которых скрываются гораздо глубже характерных черт. Из этого и вытекает

некая несостоятельность Чуковского как критика. И в то же время Л. Гроссман относит Чуковского к критикам-созидателям. Его субъективная критика – это, несомненно, творчество, источники которого лежат в современной литературе.

Но как бы современники не относились к критической манере Чуковского, его работы всегда порождали споры. И первое столкновение мнений произошло еще в начале литературной деятельности Чуковского. В 1902 году в одесских газетах завязался спор между Чуковским и его учителем – Владимиром Евгеньевичем Жаботинским.

История взаимоотношений таких непохожих, и в то же время родственных душ началась в Одессе. Знакомы они были с детства: «Сейчас вспомнил, что была в Одессе мадам Бухтеева (ее объявления можно найти в «Одесских новостях»). У нее было нечто вроде детского сада <...> Вот когда я познакомился с будущим национальным героем Израиля — в 1888 или 1889 годах!!!» [13; 461]. Но переплетение их судеб начинается позже, спустя чуть больше 10 лет.

Чуковскому не удалось окончить гимназию в связи законом «О кухаркиных детях». Зарабатывая на жизнь случайными и непостоянными заработками, он вел дневник, где отражались все мысли будущего критика. В нем же находятся и философские рассуждения Чуковского, которые он позднее попытается объединить в свою философскую систему «самоцельности». Именно в этот непростой период появляется неизвестный друг, который протянул ему руку помощи: «Нужно сказать, что моей философией заинтересовался один из моих школьных товарищей, он был так добр, что пришел ко мне на чердак, и я ему первому прочитал несколько глав из этой своей сумасшедшей книги, которая у меня и сейчас сохраняется, написанная полудетским почерком. Он слушал, слушал и, когда я окончил, сказал: “А знаешь ли ты, что вот эту главу можно было бы напечатать в газете?” Это там, где я говорил об искусстве. Он взял ее и отнес в редакцию газеты “Одесские новости”, и, к моему восхищению, к моей величайшей

радости и гордости, эта статья появилась там, большая статья о путях нашего тогдашнего искусства. <...> Так началась моя литературная деятельность». [10; 698]. При дальнейшем чтении дневника становится понятно, что тем неизвестным другом был Владимир Жаботинский.

Чуковский ценил мнение старшего друга. Первые статьи, поражающие свежим взглядом на общественную жизнь, он непременно приносил Жаботинскому, и лишь потом относил в редакцию «Одесских новостей».

Так, Жаботинский (он же Altalena) стал своего рода учителем будущего критика, покоровшего не только Одессу, но и Петербург спустя несколько лет.

В июне 1903 года Чуковский едет корреспондентом газеты «Одесских новостей» в Лондон. Мысль о поездке в Англию принадлежит Жаботинскому, который точно также проходил свое становление как критика в Риме несколькими годами ранее. Эта поездка сыграла одну из ведущих ролей в становлении Чуковского-критика.

Но по возвращению в Одессу жизненные пути Чуковского и Жаботинского расходятся. Да, они оба отправляются в столицу, но сферы их интересов становятся противоположными. Чуковский после дела о журнале «Сигналы» посвящает всего себя литературе. Взор же Жаботинского с 1905 года и до конца его жизни был прикован к политике.

Следующая и последняя личная встреча состоялась в Лондоне в 1916 году. К этому времени Чуковский был известным критиком кадетской газеты «Речь» и в Англию прибыл в составе делегации вместе с писателями А.Н. Толстым, В.И. Немировичем-Данченко, редактором-издателем газеты «Речь» В. Д. Набоковым и несколькими влиятельными журналистами по приглашению британского правительства. Судьба Жаботинского в этот период складывалась по-другому. В это время он был занят формированием еврейского отряда, который принимал участие в войне в Палестине. Такая деятельность привела к наживанию врагов. Вероятно, именно поэтому Жаботинский так обрадовался встрече с Чуковским в Лондоне.

Последняя встреча этих творческих личностей произошла в 1965 году, но уже только на страницах писем. Переписка была не личная (Жаботинский умер в 1940 году), а с Р.П. Марголиной, которая прислала Чуковскому второй том биографии Жаботинского.

Чуковский на протяжении всей своей литературной деятельности не забывал о своем первом учителе и в какой-то степени благодетеле.

Но Чуковский не был бы самим собой, если бы не попытался спорить с Жаботинским. И произошло их столкновение спустя несколько месяцев после первой статьи Чуковского.

Первым камнем преткновения стала их общая деятельность – литературная критика.

По мнению В. Жаботинского, современная литературная критика не столько вредна, сколько не нужна на данном этапе развития литературы. «Критика беллетристических произведений» не позволяет читателю в полной мере оценить и выявить свое отношение к беллетристическим произведениям, а также заслоняет собой основной смысл. В XIX веке, критика была необходима, т. к. тогдашняя интеллигенция выражала в ней свои идеи. В начале же бурного по своей литературной жизни XX века критика «убивает» читателя. В. Жаботинский приводит даже рецепт, по которому создаются литературно-критические статьи.

В. Жаботинский считает, что литература идей уже неактуальна, она исчерпала себя, а нынешнюю литературную ситуацию только усугубляет. В чем же залог возрождения и успеха литературы? На взгляд В. Жаботинского, спасение не только читателя, но и литературы состоит в том, чтобы «вновь научиться желать». Век поиска идей и философствования ушел, теперь восприятие литературы должно происходить скорее интуитивно, чем рационально.

Ответ В. Жаботинскому Чуковский писал постепенно: сначала были записи в дневнике, а итогом стала статья «К толкам об индивидуализме». И

главным советчиком и помощником в написании возражений стал все тот же В. Жаботинский.

Чуковский утверждает в противовес В. Жаботинскому, что идеи в литературе не только остались, но появляются и новые, непохожие на старые. С чем это связано? А связано это с новым героем, с новым читателем. Беллетристика утрачивает свое значение, свою идею? Чуковский пишет в своем дневнике: «Идеи, давшие содержание публицистике, дали его и беллетристике— а, стало быть, и природа голодать не будет» [11, 420]. Там же Чуковский отмечает связь таких противоположных по своей сути идей как идея улицы и идея бельэтажа. Идеи, образующиеся в новой литературе XX века, специфичны и узки. Но именно из них вытекают другие идеи, которые, имея общий характер, подходят для оценки действительности.

Составляя ответ В. Жаботинскому, Чуковский вышел далеко за рамки поднятой в статье «О литературной критике» темы. Чем это обусловлено, выявить довольно сложно. На наш взгляд, свою роль сыграли такие факторы, как совет самого В. Жаботинского, собственная еще не оформившаяся до конца философская концепция, а также личные качества Чуковского.

Основной идеей, которая появилась не только в литературе, но и в публицистике и беллетристике, стала идея индивидуализма.

Второй спор, и, вероятнее всего ведущий, разгорелся уже в 1909 году, когда Чуковский занял прочное место среди петербургских критиков. Поводом стал доклад Чуковского «Нат Пинкертон и современная литература». В нем пролеживаются две основные идеи. Во-первых, литература в лучшем смысле слова исчезла: «Вглядитесь же в этого полубога (Ната Пинкертона) не брезгайте им, не вздумайте отвернуться от него. Миллионы человеческих сердец пылают к нему любовью и в восторге кричат ему: осанна! Пусть эти книжки, где печатается его Одиссея, пусть они беспомощны, безграмотны, пусть они даже не литература, а жалкое бормотание какого-то пьяного дикаря, вздумайте в них внимательно, ибо эта бормотание для миллионов душ человеческих сладчайшая духовная пища»

[7, 39]. Во-вторых, литература заменилась пинкертоновщиной и кинематографом, потому что исчезла интеллигенция: «И как оно произошло, это каннибальство? Ведь не было же как будто и столкновения между интеллигенцией и готтентотом, ведь мы не вспомним ни одной между ними стычки. Конечно, нет! Готтентоты, как более сильное племя, покروили нашу интеллигенцию, не пролив ни кровинки: они ассимилировали ее, они совершенно слились с нею, они подчинили ее если не своей культуре, то своей арифметике» [7, 52]. Чуковский также говорит о том, что ожидать возрождения интеллигенции и литературы, какой она была, бессмысленно.

Но, по мнению редактора меньшевистской газеты «Начало» и газеты «Наш голос» Давида Марковича Герценштейна, это неверная трактовка данной проблемы. Литература продолжает существовать, она не может исчезнуть, также как и интеллигенция. Да, литература в некотором роде отошла на задний план. Но обусловлено это не тем, что в ней отпала надобность, а тем, что появился новый читатель. «Наты» заменили народные книжки, брошюры про разные чудеса, но они никогда не смогут заменить серьезной книги. Д. Герценштейн считает, что это своего рода даже прогресс: число желающих «почитать что-нибудь» возросло. А интеллигенция может исчезнуть только тогда, когда «весь народ станет интеллигенцией». Пусть на первый план и вышла пинкертоновщина, но развитие литературы продолжалось безостановочно.

Итак, проанализировав критические отзывы о творчестве Чуковского, можно сделать следующие выводы: во-первых, Чуковский занимал одно из основных мест в критике XX века. Его статьи читали и обсуждали, его работы порождали споры не только в печати, но и на различных литературных собраниях. Во-вторых, каждый из современников отмечал специфику критической деятельности Чуковского, что выделяет его из ряда критиков Серебряного века. К его творчеству в начале XX века обращался русский религиозный философ, литературный критик и публицист Василий Васильевич Розанов. Рассмотрим их взаимоотношения подробнее.

1.3. Чуковский-критик в оценке В. Розанова

Отношение современников к критической деятельности Чуковского было двояким: кто-то хвалил (В. Полонский, Г. Оленев, И. Андроников), кто-то порицал (Л. Войтоловский, З. Гиппиус, М. Гершензон). А. Блок писал: «Вот уже год как занимает видное место среди петербургских критиков Корней Чуковский. Его чуткости и талантливости, едкости его пера - отрицать, я думаю, нельзя. Правда, стиль его грешит порой газетной легкостью <...> Я хотел сказать только о критике Чуковского и притом только то, что эта талантливая критика не имеет под собой почвы» [Блок, 1907]. А в газете «Столичная почта» от 3 февраля 1908 года читаем: «Он схватывает особенности личности писателя - стиля, сюжетов, побуждений, настроений; он не подменяет критику публицистикой, что теперь в ходу больше, чем прежде. Он умеет хвалить - и это особенно ценно - хвалить не громкими и пустыми словами и не мимоходом, а содержательными указаниями. У него есть вкус, есть интерес к литературе, есть любовь к ней, не платоническая, а конкретная, та любовь, которая эгоистична, потому что не отделяет любимого предмета от себя» [Горнфельд, 1908].

Но главным своим оппонентом Чуковский считал Розанова. Статьи Розанова обильно цитируются в работах Чуковского, другие собратья по перу упоминаются лишь вскользь, беглыми цитатами или упоминанием фамилий. Вероятно, личное знакомство этих противоположных литературных деятелей состоялось в 1905-1906 годах. Но, по словам Чуковского, для него В.В. Розанов был «... любимый с детства писатель, которого ведь я, в сущности, знаю уже лет десять» [14; 90]. Мнение Розанова для Чуковского было не только важно, но и, вероятно, было единственным, к которому он прислушивался: «Хуже всего то, что Вы, пожалуй, и правы, - мне, по крайней мере, сейчас так представляется. <...> Ваш змеиный талант меня “чарует” ...» [14; 199]. Розанов был не столько учителем Чуковского, сколько человеком, перед которым Чуковский «держал экзамен».

В наше время уже не подвергается сомнению то влияние, которое оказал Чуковский как критик начала XX века. Но в пору словесного поединка с Розановым Чуковский был, по мнению современников, пусть ярким, но все-таки одним из многих молодых критиков.

Чуковский был свободен от связей с какой-либо школой или направлением, не был ни теоретиком литературы, ни ее историком. Чуковский предлагает читателям новый тип критики. Не по содержанию, а по форме – критические рассказы о современниках, их литературные портреты и характеристики. В основу этого оригинального жанра Чуковского лег психоанализ языка текстов, изучаемых авторов.

Чуковский писал: «Каждый писатель для меня вроде как бы сумасшедший. Особый пункт помешательства есть у каждого писателя, и задача критики в том, чтобы отыскать этот пункт» [6; 29].

Такая критика создавалась из впечатления критики-читателя, его личной реакции на то или иное произведение искусства. Отсутствие определенного метода замещалось оригинальностью таланта самого критика. Новый образ критика, несомненно, привлекал читателя, так как создавалось ощущение сообщничества между читающей публикой и критиком.

На страницах двух петербургских газет «Нового времени» и «Речи» в 1909-1910 годах разыгралось противостояние между ведущими критиками этих газет, Чуковским и Розановым. И зачинщиком этого поединка мнений был Розанов.

К этому времени Розанов имел сложившуюся систему взглядов на исторические и теоретические основы литературной критики, которую изложил в «Литературных очерках», а также в газетных и журнальных статьях. Розанов как критик и журналист не выпускал из поля своего зрения литературную арену. Когда на ней появился Чуковский, молодой темпераментный критик, Розанов присматривался к нему с любопытством.

Перу Розанова принадлежит четыре статьи о Чуковском. В этих работах Розанов представляет два портрета молодого литератора: как лектора и как

критика. Но для Чуковского такие статьи не были новы. Камнем преткновения в спорах с Розановым, да и с другими оппонентами, стал стиль критических работ Чуковского.

Статьи Розанова появлялись не на пустом месте. Материалом для его работ послужили и открытые лекции («Нат Пинкертон и современная литература», лекция о кинематографе, лекция о В. Гаршине), которые читал Чуковский, и статьи, и его первая книга критических рассказов – «От Чехова до наших дней».

В начале XX века большую популярность приобретают публичные лекции. Чуковский принимает в них активное участие. На одной из таких лекций и присутствовал Розанов. В статье «К.И. Чуковский о русской литературе и культуре» с большой иронией передается суть того, что давало лекциям Чуковского хоть и бурный, но только внешний успех.

Чуковский в своей лекции обвиняет публику в зависимости от кинематографа, потере желания узнать и представить что-либо самостоятельно. Для Розанова же кинематограф – это продолжение истории Петрушки и лубочных картинок, «народная литература с ее первобытностью, незатейливостью, немудреностью»² [19; 123]. По мнению Розанова, кинематограф спасает толпу «от удовольствий порочных и низменных». Поэтому Чуковский, вольно или невольно, показывает «глубокое отчуждение от народа, отсутствие всякого родства с ним, а отсюда и отсутствие какого-либо постижения его» [19, 123].

Но Розанова-психолога интересует не столько тема лекции, сколько возможность найти суть творческих способностей Чуковского.

На самом деле Розанов-слушатель почувствовал искусственность и некоторую фальшивость лекции. Чуковский, написав лекцию однажды, редко

² Здесь и далее все ссылки на работы В.В. Розанова даются по изданию: Розанов В.В. Собрание сочинений: В 30-ти т. – М.: Республика, 1994-2010. В скобках обозначены номера тома и страницы.

менял ее содержание, скорее механически прочитывал ее в разных городах и аудиториях. Также Розанов отмечает, что влияние Чуковского на публику минимально. Основываясь на всем вышесказанном, Розанов приходит к выводу: «Для граммофона, для рояля и, вообще, для всякого инструмента, кроме может быть таинственной скрипки (но Чуковский не скрипка) не нужна та ария, которую он играет. Чуковский – хорошо выделанный инструмент “для самого себя”» [19, 119].

Но наибольший интерес представляет портрет Чуковского-критика. И здесь мнение Розанова двояко и неоднозначно: «Когда ругают Чуковского, и я грешным делом поругиваю. <...> Но про себя я люблю “шествием Чуковского”» [19, 313]. А любоваться действительно было чем. Чуковский стремительно врывается в столичную литературу и практически сразу занимает одно из ведущих мест благодаря своей оригинальности.

Непохожесть Чуковского на своих собратьев по перу отмечали все современники. «Он пишет коротко – это сила. Не хлестко – это ново и привлекательно» [19, 312] - пишет Розанов в статье «Обидчик и обиженные». Но в то же время Розанов отмечает, что «литература решительно испугана». Почему? Потому что Чуковский ниспровергает «бла-а-родных» литераторов с их пьедестала, пытаясь приблизить их к народу.

Розанов одним из первых отмечает основную особенность стиля Чуковского: «Глаз его вооружен какой-то сильной лупой, через нее он замечает смешные качества в писателях, раньше безупречных» [19, 312]. Эту черту молодого критика увидел не только Розанов. Буквально с первых дней критической деятельности Чуковского за ним закрепилось прозвище Пинкертон: «В Чуковском есть что-то полицейско-надзирательское, роющееся “в документах”» [19, 313].

Несмотря на все попытки доказать обратное, Чуковский останется для Розанова критиком, все «вращающимся в мелочах, в истинных, но мелких частях писателя и писательской судьбы и дара» [19, 313]. По мнению Розанова, Чуковский «не положил в литературе никакой жемчужины, за

которую ему можно простить все» [20, 216]. Как Чуковский пишет? «Того задел, *одругом* написал 2 ½ страницы; и все о писателях мелких, которым все равно и без Чуковского придет назавтра смерть и забвение» [20, 216] – считает Розанов. В одной из своих работ Розанов сравнивает Чуковского с воробьем, который клюет просто для того, «чтобы вышло осязательное впечатление». А главной страстью Чуковского, пишет Розанов, является разбор мелочей, стремление «писать о мелочах в писателе, и, по возможности, о мелочах в самом *мелком писателе*, которого и не читает никто, которого даже почти и никто и не знает» [21, 54]. Но стоит заглянуть в книги Чуковского 1909-1911 годов, как эти замечания Розанова не вызывают ничего, кроме недоумения.

Нет, Розанов не отрицал таланта Чуковского, а наоборот, даже подтверждал его: «Чуковский с каким-то специальным даром, специальной лупою пришел, чтобы сделать это крайне нужное в литературе дело отделения “настоящего” от “не настоящего”» [19, 313]. Но независимо от благородной миссии Чуковского – очищения литературы от «трупов» - его роль, по мнению Розанова, утилитарна. Чуковский не сможет долго продержаться в литературе: стоит ему выполнить свое предназначение, как необходимость в нем отпадет.

Но кроме зафиксированной роли - критика литературы «третьего сорта» у Чуковского была и другая, та, которая Розанова занимала больше всего: роль новичка, пионера, смутившего покой современной критики, нарушившего все традиции, которые для самого Розанова были «фундаментом некоего духовного, общественно-идейного здания».

Розанов невольно находит и причину нападок старшего поколения критиков на Чуковского: «Он как будто тешится в литературе, тешится с огромным чувством “сегодня” и “разбивает горшки” с чисто детской радостью. Но это – глубоко антикультурная, антисозидательная работа. Ребенку это не видно: но кто уже седеет, не может не ахнуть при виде этих проказ; а когда они длятся долго и не обещают остановиться, не может не

вознегодовать, наконец, - не позеленеть от злости» [20, 216]. Но Чуковский не только разрушает старые устои, он вносит и новое – новая критическая манера, новый жанр литературной критики.

На протяжении двух лет мнение Розанова о Чуковском не менялось. Он считал, что Чуковский подобен стеклянному шарик, который только и может ослеплять. В Чуковском, по словам Розанова, нет развития. Розанов даже уподобляет Чуковского тем «трупам», от которых он избавлял литературу: «В вас есть что-то мертвенное, *неорганическое*, при всей талантливости и вечном *кажущемся* движении» [21, 54].

А в записях «Уединенного» за 1911 год находим такую запись Розанова о молодом критике: «Чуковский все-таки очень хороший писатель. Но это “хорошее” получает от него литература (закапывание трупов), но не остается на нем самом. Дело в том, что он очень полезен, но он не есть прелестный писатель, а в литературе это – все. Но он не есть дурной человек, как я его старался выставить» [30 51]. К сожалению, выявить однозначное отношение Розанова к Чуковскому уже не представляется возможным.

Несмотря на общий язвительный тон статей Розанова 1909-1911 годов, он сочувствует Чуковскому и словно бы предвидит тот тяжелый путь, который предстоит молодому критику.

Что же отвечал Чуковский на все нападки Розанова и других недоброжелателей?

Ответом Розанову стало «Открытое письмо В.В. Розанову», в котором чувствуется обида и желание уколоть, а где-то и осадить Розанова. Письмо появилось в газете «Речь» спустя четыре месяца после статьи о «неугомонном волке».

Эта критическая зарисовка о Розанове будет внесена без изменений во вторую книгу «Критические рассказы», а потом и в третью, «Рассказы о современных писателях». Именно в этом очерке, по признанию самого Розанова, был «назван состав его костей: натура, кровь, темперамент». Но Чуковский не смог верно угадать «интимное» Розанова.

Написанная в обычном стиле Чуковского – шутовском и несколько снисходительном тоне – статья создана из розановских параллельных высказываний и впечатлений. Чуковский словно соревнуется в писательском мастерстве с Розановым.

Чуковский с какой-то легкостью смог доказать, что Розанов пишет «на тысячу ладов». А причина такого стиля, по мнению Чуковского, заключается в безразличии Розанова ко всему. В его «все равно», которое относилось ко всему, кроме проблемы пола.

Чуковский заканчивает свою статью обращением: «Разъясните мне, в чем я не прав, ибо мне очень больно было бы думать, что это мнение о Вас – не ошибка» [7, 178]. Для молодого критика мнение Розанова было важным, а разочарование, чувствуемое во всем письме, угнетало его. Несмотря на споры, Розанов был тем, на кого Чуковский равнялся и чье одобрение хотел получить.

Своего рода манифестом Чуковского о своем стиле стала статья «О мелочах».

Для Чуковского-критика самым главным в любом писателе является его душа. И существует только один путь постижения души художника – «интуиция, внутренний опыт». По мнению Чуковского, для критика самое главное – это уловить душу автора, которую он вложил в свое произведение: «Вне всяких слов, подробностей, деталей, должен критик воспринять ту душу, которая таится в книжных строках. Без такого восприятия души — ни микроскоп, ни телескоп не поможет. Пресловутая научная критика, столь у нас теперь авторитетная, потому-то так и мертва, потому-то скопчески-бесплодна, что при всех своих колбочках, склянках, ретортах, микроскопах, телескопах лишена ощущения души» [7, 530]. Но чтобы прийти к пониманию души одной интуиции недостаточно. Ведь она не сможет передать «тот ритм душевный», который является «главным обаянием поэзии». Именно в этом деле и помогают, по мнению Чуковского, мелочи, против которых восстают его оппоненты.

Для Чуковского за мелочью, которой пользовались в своем творчестве и А.П. Чехов, и Л.Н. Толстой, скрывается самое главное – душа художника: «... пустяка, который вовсе и не пустяк, а, напротив, говорит о самом главном, вводит нас в “душу души”» [7, 531]. И главной темой всей критики Чуковского было постижение многогранной души художника. Просто шел он отличным путем от своих современников.

Стремлением Чуковского было передать не только внутреннюю составляющую писателя, но и «подметить лишь то, чего автор сам о себе не знает, чего он и не подозревает в себе». Именно это неосознанное является ключевым в характеристике писателя. Все остальное может быть легко объяснено намерениями и замыслами автора. И только в бессознательном «неприменно вскроется “суть”». Главной своей задачей как критика Чуковский считал дать в нескольких, казалось бы, «внешних и даже как будто случайных чертах, душевную-духовную сущность того или другого писателя».

Все оппоненты Чуковского говорили, что он пишет только о мелких писателях, о которых не сегодня-завтра забудут. Но эти упреки были неверны. Уже к 1910 году у Чуковского были статьи и о любимом Чехове, и о Толстом, и об Уитмене и о других великих писателях. Да, были работы о так называемых мелких писателях. И обращался Чуковский к ним потому, что они были востребованы новым читателем: «Огромность, необъятность нуля — величайшая нынче тема. Неужели вы не ощущаете, как теперь грандиозно ничтожество?» [7, 533]. Но этими статьями Чуковский не только говорил на злободневные темы, но и словно предсказал появление нового слоя литературы, появившегося в годы революции.

Итак, мнение о стиле и методе Чуковского менялось попросту времени. В работах Розанова заметно изменение статуса Чуковского: от «кабинетного литератора», для которого литература «остается просто прекрасным словом, прекрасной мыслью», к талантливому критику современности. Сам же Чуковский, тяжело переживавший нападки

современников, на протяжении всей своей литературной деятельности следовал избранному раз пути.

Таким образом, можно говорить о том, что Чуковский – одна из ярких личностей XX века. Его литературно-критическое творчество выделяется на фоне разнообразной критики Серебряного века такими качествами как: главными принципами эстетической концепции Чуковского («душа», «жизнечувствие», «настроение», «интуиция»), необычностью стиля и манеры письма, а так же своеобразным взглядом на современный процесс литературы.

Глава 2. Корней Чуковский как историк литературы

2.1. Место Некрасова в литературно-критическом наследии Чуковского

В начале своей литературной деятельности Чуковский был известен как критик. Но после революции Чуковский-критик исчезает, и появляется детский писатель, переводчик, литературовед. Почему это произошло?

Среди причин сокращения печатных статей могут быть названы как исторические события (Первая мировая война, революция), так и личные (стремление посвятить себя серьезной литературоведческой работе), а также общелитературные события: в этот период «появились и новые организационные формы для выражения литературных оценок: это были поэтические клубы и литературные кафе, которые способствовали рождению вольной критической мысли» [Прозоров, 2002, 221].

Так же одной из причин смены рода деятельности – перехода из критики в литературоведение – стали экстралитературные обстоятельства. Чуковский славился жесткостью оценок, парадоксальностью суждений и некоторой намеренной скандальностью, которая была частью его авторского образа. «Когти Чуковского», по выражению художника Н. Кузьмина, ощущал на себе едва ли не каждый, о ком он писал. Но после революции то или иное критическое выступление, по словам Чуковского, могло быть расценено как донос, поэтому он постепенно перестал выступать в печати как литературный критик.

В конце 1920-х годов произошли гонения на «чуковщину» в детской литературе, и это был один из самых тяжелых периодов в жизни Чуковского. Его сказки почти перестали издаваться (так называемые «мимикрия и

антропоморфизм» были на государственном уровне объявлены «вредными» для воспитания), и литературоведение стало едва ли не единственным видом деятельности, которым он мог заниматься официально. Стоит учитывать, что Чуковский – профессиональный литератор, который жил исключительно литературным трудом. Он не считал возможным писать «в стол».

К причинам ухода из критики можно отнести и политические обстоятельства: в конце 1920-х годов «Союз Просвещения» «внезапно выкинул всех писателей за борт, - и я оказался вне закона» [12, 290]. Чтобы публиковать свои работы, Чуковский был вынужден поступить на службу в «Красную газету».

Итак, несколько раз за свою биографию Чуковский избирал филологию в качестве альтернативы литературной критики, с одной стороны, и художественному творчеству, с другой, в моменты особого усиления цензуры. Работы, посвященные Некрасовской эпохе, становились для него вынужденной формой «эскапизма», а иногда способом говорить о современных проблемах на другом материале (т.е. применять своего рода эзопову речь). К моменту, когда Чуковский начал заниматься изучением Некрасова, у него уже был выработан собственный критический метод, набор устойчивых приемов и принципов, которым он следовал при написании статей о современной литературе.

Метод этот заключался в следующем: «Я затеял характеризовать писателя не его мнениями и убеждениями, которые ведь могут меняться, а его органическим стилем, теми инстинктивными, бессознательными навыками творчества, коих часто не заметит он сам. Я изучаю излюбленные приемы писателя, пристрастие его к тем или иным эпитетам, тропам, фигурам, ритмам, словам и на основании этого чисто формального, технического, научного разбора делаю психологические выводы, воссоздаю духовную личность писателя» [14, 446-447].

Метод появляется не на пустом месте. В начале 1900-х годов Чуковский разрабатывает собственную концепцию искусства. В концепции Чуковского

происходит разделение на мир сущностей и мир вещей. В годы формирования метода, Чуковский стремился обозначить суть изучаемого явления, дать емкое определение. Начиная с конца 1920-х годов, его интересуют те составляющие, которые входят в суть этого явления.

Свою любовь к Н.А. Некрасову Чуковский пронес через всю жизнь. Но в начале своей литературной карьеры он не столько не любил Некрасова, сколько не понимал ни его, ни его творчества. «Взял Некрасова. Хромые, неуклюжие стихи, какой черт стихи, - газетные фельетоны!» [11, 19] – запишет в своем дневнике Чуковский в 1901 году. Но в 1910-е годы все меняется. Чуковский начинает заниматься биографией и в особенности творчеством Некрасова. Чем был обусловлен интерес Чуковского к творческому наследию Некрасова сейчас, к сожалению, установить невозможно. По мнению Е. Ивановой, интерес Чуковского к Некрасову возникает тогда, «когда он открыл в поэте сложную, противоречивую и страдающую личность» [14, 22]. А В. Перельмутер в своей статье «Мастерство Чуковского» пишет: «Я думаю, что Чуковский и взялся за Некрасова, потому что увидел в нем поразительно много своего» [Перельмутер, 2012]. Мы предполагаем две причины. Во-первых, это интерес ближайшего окружения Чуковского к Некрасову – Блока, Мережковского, Маяковского и других поэтов. В их творчестве прослеживается влияние тематики, мотивов и некоторых образов из творчества Некрасова. Во-вторых, из-за общей ситуации в литературе: изучение творчества Некрасова давало Чуковскому возможность публиковать свои работы и оказывалось подчас возможностью заработка.

В 15-ти томном собрании сочинений Чуковского приведено 4 статьи о Некрасове и непосредственно «Мастерство Некрасова». На самом же деле работ о Некрасове у Чуковского гораздо больше, и все они разнообразны.

Большое количество статей посвящено ранее неизданным произведениям Некрасова: стихотворениям, запискам, повестям, пьесам. Данная тематика встречается на протяжении многолетней работы Чуковского.

Примерно до 1930 года Чуковский пишет статьи о Некрасове и его современниках: например, «Драгоценная находка» (о неизданной повести Некрасова о Белинском, Достоевском и Тургеневе). Так же интересует и жизнь Некрасова (статьи «Жизнь Некрасова», «Авдотья Панаева и ее воспоминания» и другие). Среди всех работ встречаются и статьи, в которых Чуковский рассматривает отношение своих современников к Некрасову: например, «Некрасов до революции и после», «Некрасов и наша эпоха» и другие.

Наибольший интерес представляют статьи, которые Чуковский публикует с конца 1930-х годов. В них Чуковский обращается непосредственно к творчеству Некрасова. Данные работы можно разделить на несколько групп:

- статьи о произведениях (например, «О поэме “Мороз, Красный нос”», «Несколько неизданных вариантов»);
- статьи о литературных традициях в творчестве Некрасова («Пушкин и некрасовский Минай», «Народные истоки»);
- статьи о творческом методе Некрасова («Некрасов как художник», «Мастерство великого поэта»).

Далеко не всегда увлечение Некрасовым было в радость Чуковскому. Несколько раз он порывался бросить писать о Некрасове. «Отныне я решил не писать о Некрасове, не копать в литературных дрязгах, а смело приобщиться к мировой литературе» – запишет Чуковский 30 марта 1921 года [11, 328].

Итак, в работе Чуковского над творческим наследием Некрасова можно выделить несколько этапов:

- 1) статьи о неизданных произведениях;
- 2) предисловия и вступительные статьи к собраниям сочинений Некрасова;
- 3) статьи о жизни или о жизни и творчестве Некрасова;

- 4) статьи с анализом и комментариями к произведениям;
- 5) статьи о стиле Некрасова.

2.2. Творчество Некрасова в дореволюционной критике Чуковского

Первая статья о Некрасове под авторством Чуковского выходит в 1912 году под названием «Некрасов и модернисты». В этой работе Чуковский пишет не о творчестве Некрасова, а об его взаимоотношениях с писателями и поэтами при жизни, о почитании его, как поэта, модернистами, декадентами и эстетам.

Увлечение Чуковского наследием Некрасова начинается с 1917 года. В дневниках появляется все больше записей о будущих работах над творчеством Некрасова. О замысле большого труда о Некрасове свидетельствует дневниковая запись от 4 декабря 1918 года: «Я запутываюсь. Нужно хорошенько обдумать положение вещей. Дело в том, что я сейчас нахожусь в самом удобном денежном положении: у меня есть денег на *три месяца жизни вперед*. Еще никогда я не был так обеспечен. Теперь, казалось бы, надо было бы посвятить все силы Некрасову и вообще писательству, а я гублю день за днем — тратя себя на редактирование иностранных писателей, чтобы выработать еще денег. Это — нелепость, о которой я потом пожалею. <...> Мне нужно обратиться к доктору по поводу моих болезней, купить себе калоши и шапку — и вплотную взяться за Некрасова» [11, 234].

В эти же годы начинаются лекции Чуковского о Некрасове: «Я прочитал о Некрасове, а публика требовала еще. <...> Хочется писать о Некрасове дальше...» [11, 250]. В 1919 году Чуковский начинает воплощать свой план о большой работе над творчеством Некрасова. Работа во Всемирной литературе дала ему возможность опросить своих современников об их отношении к Некрасову. В начале двадцатых годов Чуковский занимается корректурой и примечаниями гржебинского издания Некрасова.

Но в 1921 году Чуковский делает попытку отказаться от работы над творчеством Некрасова. Как мы увидим далее, эта попытка окажется неудачной.

Второй работой Чуковского стала статья «Жизнь Некрасова» (1927 год). Эта работа, как следует из названия, является краткой биографией Некрасова. О творчестве в ней сказано мимоходом, обозначены только основные вехи и главные темы. На наш взгляд, эту статью можно считать предварительной работой Чуковского, которая открыла путь дальнейшим статьям о творчестве Некрасова.

В конце двадцатых годов в печати появляется сборник статей Чуковского, посвященный Некрасову. В него вошли статьи как о жизни, так и о творчестве поэта. В этих работах Чуковского Некрасов-человек и Некрасов-поэт неотделимы друг от друга. Творчество Некрасова Чуковский рассматривает не только через призму личности поэта, но также анализирует и объясняет влияние тех или иных исторических событий на поэзию Некрасова.

Итак, на протяжении почти тридцати пяти лет (с 1912 года по 1946 год) Чуковский писал о Некрасове как о человеке своей эпохи. Творчество рассматривалось в статьях как доказательство событий, которые происходили в жизни Некрасова. Также Чуковский рассматривал отражение жизненных впечатлений в поэзии Некрасова.

Но главной работой Чуковского о Некрасове стала книга, изданная в 1952 году, - «Мастерство Некрасова». Работа над этой книгой продвигалась тяжело, Чуковский практически с боем вырывал время для ее написания и корректуры: «На 1948 год лучше не оглядываться. Это был год самого ремесленного, убивающего душу кропанья всевозможных (очень тупых!) примечаний к трем томам огизовского «Некрасова», к двум томам детгизовского, к двум томам «Библиотеки поэта», к однотомнику «Московского рабочего», к однотомнику Огиза, к Авдотье Панаевой, к Слепцову и проч., и проч., и проч. Ни одной собственной строчки, ни одного

самобытного слова, будто я не Чуковский, а Борщевский, Козьмин или Ашукин» [13, 110]. И тем более неудивительно, что сам Чуковский остался недоволен своей книгой. И практически сразу принялся за корректуру «Мастерства Некрасова». Во второе издание книги, вышедшей в 1955 году, Чуковский внес более одной тысячи поправок, но все так же оставался недоволен. Так, книга выдержала еще 4 переиздания (последнее было в 1971 году).

За этот поистине титанический труд всей своей жизни Чуковский был удостоен Ленинской премии (1962 год), а также во многом благодаря данной книге Чуковскому была присуждена почетная степень доктора литературы Оксфорда (1962 год).

«Мастерство Некрасова» сразу обратило на себя внимание критиков. Так, в 1953 году в журналах появилось три статьи. В целом, критики и литературоведы отнеслись к данной книге одобрительно. Нарипание вызывали только недочеты, допущенные самим Чуковским. Второе издание было отмечено Ю.Г. Оксманом. Он писал Чуковскому: «Сначала мне показалось, что работа, сделанная Вами для нового издания, так велика и многосложна, что лучше было бы сделать в это время что-нибудь новое. Но чем больше вхожу в суть дела, тем крепче утверждаюсь в том, что игра стоила свеч. Книга о мастерстве должна демонстрировать мастерство самого исследователя во всех его возможностях, не только научных, но и литературно-технических; структура такой книги, как Ваша, это своеобразная форма пропаганды и Ваших подходов к Некрасову, и результатов Ваших изучений русской поэзии XIX в., и Ваших методов исследования и письма. Книга останется в литературе если не на сто, то на полвека во всяком случае. Она ведь уже и сейчас является для русских филологов своеобразным введением в литературоведение — молодые по ней учатся, старые — переучиваются» [Оксман, 2001, 66-67].

Критические отзывы 1960-х годов свидетельствуют о глубоком понимании значения «Мастерства Некрасова» для истории русской культуры.

Но наиболее точно значение этой работы Чуковского сформулировал Ю.Г. Оксман: «Я имею полное право сказать Вам еще и еще раз, что книга Ваша — одна из самых значительных книг, вышедших за последнее тридцатилетие. Это книга не только замечательная, но и очень нужная — на ней учатся — она является образцом литературоведческого исследования, она повышает общий культурный уровень читателей, заряжает их любовью к литературе и к науке» [Оксман, 2001, 126].

Книга «Мастерство Некрасова» состоит из двух частей: первая — учителя и предшественники, вторая — собственно мастерство. Каждая из частей делится на несколько параграфов. Рассмотрим каждую подробнее.

В первой части Чуковский рассматривает, как следует из названия, кто был литературным эталоном для Некрасова. Такими фигурами, как считает Чуковский, были А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь.

В первой главе Чуковский объясняет, почему с 1870-х годов в литературных кругах прослеживалось противопоставление Пушкина и Некрасова. Аргументирует Чуковский данное обстоятельство тем, что были созданы фальсификации литературных образов: Пушкин воспринимался как носитель богатой словесной культуры, а Некрасов — как поэт без роду.

В главе, посвященной Гоголю и Некрасову, Чуковский подчеркивает восторженное отношение Некрасова к своему собрату по перу. По мнению Чуковского, Некрасов из-за пиетета перед творческой силой Гоголя стремился объединить писателей, которые шли след за Гоголем, на страницах большого альманаха.

Вторая часть книги посвящена непосредственно творческому наследию Некрасова. В ней Чуковский рассматривает основные составляющие поэзии Некрасова: стиль, лексику, ритм, влияние фольклора на творчество Некрасова и другие аспекты.

Но нас «Мастерство Некрасова» будет интересовать, в первую очередь, как образец критического метода и стиля Чуковского в 1950-е — 1960-е годы.

Данная книга по объему больше, чем привычные статьи Чуковского о писателях и поэтах. Здесь он смог «развернуться». Но Чуковский, тем не менее, остался верен себе. В книге совмещается два образа Некрасова – Некрасов-человек и Некрасов-поэт. Если в сборнике статей 20-х годов творческая сторона личности Некрасова была показана через человеческие качества, то в «Мастерстве» Чуковский использует противоположный метод. Анализируя непосредственно произведения поэта, Чуковский рассказывает и о жизни Некрасова: чем увлекался, где путешествовал, что читал и другие аспекты жизни.

Но анализ творчества поэта, как уже говорилось выше, предваряет часть об учителях и предшественниках поэта. Чуковский неспроста берет таких известных творцов как Пушкин и Гоголь. Обусловлено это тем, что оба писателя повлияли на Некрасова в его ранний период творчества.

В главе «Пушкин и Некрасов» Чуковский параллельно рассматривает их творчество. Он не описывает, что конкретно Некрасов заимствовал у Пушкина. Наоборот, Чуковский рассматривает образ Пушкина, который создает Некрасов в своем творчестве. Некрасов создает новый образ, противоположный тому, что был принят в подцензурной печати. И тем самым, по мнению Чуковского, Некрасов раскрывает истинную суть творчества Пушкина. Но в то же время Чуковский подчеркивает, что Некрасов и Пушкин – это поэты разных эпох, их нельзя сравнивать.

С Гоголем же ситуация, по мнению Чуковского, была совершенно иной. Во-первых, Чуковский отмечает, что Некрасов был первым последователем Гоголя. Во-вторых, Некрасов заимствует у Гоголя не форму, которая была в «Мертвых душах», в «Ревизоре», в «Шинели», «а их идею, их пафос обличения и гнева» [Чуковский, 1971, 140]. Чуковский не утверждал, что Некрасов был подражателем, эпигоном Гоголя, коих в то время было много. Чуковский наоборот подчеркивает различия в творчестве писателей: это лиризм, их отношение к жизни, их взгляды на литературу.

Чуковский не просто так рассматривает влияние Пушкина и Гоголя на Некрасова. Тем самым он подчеркивал преемственность этих отличных, но так похожих между собой писателей. Ведь поэзия Некрасова «постоянно питалась традициями Пушкина, Гоголя, а также Лермонтова, Кольцова, Рылеева» [Там же, 160]. Также Чуковский отмечает, что Некрасов был тем, кто соединил в своем творчестве два пути литературы: пушкинский и гоголевский. Для него эти писатели были «собратями, шедшими друг за другом к единой цели» [Там же, 31].

Вторая часть книги делится на несколько глав, в каждой из которых дается анализ как истоков творчества, так и самих произведений Некрасова. Рассмотрим каждую подробнее.

Первому параграфу Чуковский дает название «Щедрая дань». Уже из эпиграфов к данной главе становится понятно, что речь пойдет о форме стихотворений Некрасова. Некрасов привнес в литературу новое содержание. Критики же обвиняли его в «антипоэтичности», считали, что он изменил традициям Пушкина. Чуковский в своей книге утверждает обратное: «Никогда стихотворения Некрасова не могли бы приобрести такую могучую власть над сердцами, если бы у них была вялая, анемичная, недоработанная, небрежная форма» [Там же, 169].

Также Чуковский высказывает предположение о том, что Некрасов мог бы стать «одним из самых жизнерадостных русских поэтов» [Там же, 208]. Обосновывает Чуковский это тем, что Некрасова «радовала жизнь сама по себе в те минуты, когда он мог отрешиться от своих мучительных тем» [Там же, 207]. В противовес этому чувству радости в поэзии Некрасова, как считает Чуковский, и появляется ненависть к тогдашнему государственному строю.

Далее Чуковский посвящает главу стилю Некрасова. В качестве предмета анализа он берет черновики и итоговые стихотворения поэта. Чуковский приходит к выводам, что творчество Некрасова можно разделить на несколько частей: реалистические, революционные, ораторские стихи и

другие. И для каждой группы стихотворений Некрасов выбирал разные формы: «... творческие приемы Некрасова были гораздо разнообразнее, чем принято думать, что он отнюдь не придерживался какого-нибудь единого правила в работе над своими стихами...» [Там же, 225].

Чуковский подчеркивает, что Некрасов был мастером различных жанров в поэзии: «От высокой патетики до каламбурных водевильных куплетов, от публицистических дискуссий в стихах до подлинной народной русской песни» [Там же, 228]. При этом Некрасов не просто владел ими по отдельности, но также сочетал их между собой. Исходя из этого, Чуковский пишет о том, что Некрасов к каждому стихотворению находил особый подход, в зависимости от целей, которые ставил перед собой.

Анализируя черновики и итоговый вариант поэмы «Русские женщины», Чуковский утверждает, что стиль Некрасова изменчив и непостоянен, так как обусловлен тематикой, к которой обращается поэт. В связи с идейной направленностью произведений Некрасов работал над усилением и уточнением поэтических образов.

Третья глава выбивается из общего строя книги. В ней Чуковский анализирует поэму «Железная дорога» не только как самостоятельное произведение, но рассматривает ее в общем контексте стихотворений о железной дороге. Интерес Чуковского к этой поэме обусловлен тем, что в ней «так полно и рельефно сказалось все своеобразие его мастерства» [Там же, 360].

Поэма Некрасова в период 1865 года была единственной в своем роде: поэт видит ее только красоту природы, которой восхищались Вяземский, Полонский, Фет, но и те жертвы, которые унесло строительство железной дороги. Также некрасовская поэма содержит в себе спектр самых разнообразных чувств, вот других произведений на эту тему. К тому же, отмечает Чуковский, «Железная дорога» густо заселена людьми. Исходя из выше сказанного, Чуковский находит еще одно отличие поэмы от других

стихотворений – это призыв к действию. Здесь Некрасов выступает своего рода учителем молодого поколения.

Чуковский первым в литературоведении подчеркнул, что поэма Некрасова – «есть первая по времени поэма о созидательном народном труде» [Там же, 374]. Некрасов не только обличал государственные верхи, призывал молодое поколение к действию, но и прославлял творческую народную работу.

Некрасова не считали бы народным поэтом, если бы в его творчестве не было народности, народного звучания, песенности, связи с фольклором. Хотя, по мнению Чуковского, «Железная дорога» является исключением по некоторым приведенным критериям.

Следующая глава вытекает из третьей и носит название «Работа над фольклором». Задачей Чуковского в этой главе, по его собственным словам, является изучение методов, при помощи которых фольклор превращался в собственно некрасовские произведения. Он утверждал, что у Некрасова была стройная система в работе с фольклорными источниками.

У Некрасова, по мнению Чуковского, существовала своя классификация фольклора. Основана она была на группах, которые поэт выделял среди крестьянства. После анализа нескольких произведений Некрасова Чуковский выявил основные принципы работы поэта с фольклором: поиск различных проявлений недовольства или гнева; полемика с текстами, которые неверно отражали жизнь; изменение нейтральных образов фольклора под свои цели; на основе стилистики фольклора Некрасов создавал народные песни.

Несомненной заслугой Некрасова в работе над фольклором является то, что «он воспроизводил в своих песнях не только лексику и фразеологию народа, но тот чисто народный, “мужицкий” протест против всех проявлений и основ крепостничества» [Там же, 552]. Также отличительной чертой творчества Некрасова являются дактилические окончания. До Некрасова они являлись исключением. Он же подчинил их разнообразным жанрам, сделал их особенностью своего поэтического творчества.

Последней, но не менее важной для понимания творчества Некрасова, является глава под названием «Эзопова речь». Благодаря эзоповскому языку, Некрасов мог выражать свои сокровенные мысли и чувства.

Прежде чем говорить о Некрасове, Чуковский выявляет особенности эзоповского языка, который был свойственен революционным демократам шестидесятых – семидесятых годов. Эти особенности также проявляются и в творчестве Некрасова.

Непосредственно в творчестве Некрасова Чуковский выделяет шесть приемов использования эзопова языка:

- маскировка политического содержания личной тематикой;
- маскировка собственных стихотворений под переводы с иностранного языка;
- прием наложения сетки (маскировка одного произведения под другим);
- прием умолчания;
- маскировка современных событий под события далекого прошлого;
- прием заведомо неверных высказываний, диаметрально противоположных убеждениям автора.

2.3. Критический метод Чуковского (в статьях о Некрасове)

В предыдущих параграфах мы рассмотрели содержание работ Чуковского. Теперь же обратимся к критическому методу Чуковского.

Статья «Некрасов и модернисты» является первой статьей Чуковского о Некрасове. Эта работа весьма полемична. В начале Чуковский пишет об отношении современников к Некрасову: его не принимали в обществе, в литературных кругах, в печати его оскорбляли. «Читатели его боготворили. Но писатели ненавидели» – напишет Чуковский. Но не это интересовало критика в первую очередь. В данной статье ему было важно показать и доказать, как относились его современники к Некрасову.

Рассматривая критический метод Чуковского на примере этой статьи, можно выделить следующие его составляющие: – полемичность (противопоставление двух эпох, двух противоположных отношений к Некрасову); – карикатурность изображения событий.

В 1927 году в печати появляется статья «Жизнь Некрасова». И связана она была, вероятнее всего, с гржебинским изданием собрания сочинений Некрасова. Внимание Чуковского сосредоточено на биографии поэта. В этой работе проявляется любимый метод Чуковского – семантико-биографический. Этот метод сочетает в себе и описание жизненного пути поэта, и рассмотрение творчества через призму жизненных событий. Это позволяет Чуковскому показать, что тематика творчества Некрасова была обусловлена определенными событиями из жизни поэта.

Сборник «Рассказы о Некрасове» был выпущен в конце 1920-х – в начале 1930-х годов. В него входят статьи как о жизни Некрасова в целом, так и о его творчестве. В сборник включены послереволюционные работы и анкета, с помощью которой Чуковский опрашивал ведущих поэтов Серебряного века об их отношении к Некрасову в начале 20-х годов.

Целью данного сборника является восстановление чести Некрасова как человека и как поэта: пусть Некрасов и совершал грехи, но «поведение поэта, казавшееся нам неблагоприятным, было таким лишь по внешности» [8, 243].

Первые статьи сборника («Николай Успенский и Некрасов», «Некрасов и Авдотья Панаева», «Поэт и палач», «Тарбагатай») представляют читателю Некрасова как человека с непростым характером, со своими заботами и проблемами. Но в то же время Чуковский обращает внимание на благородство поэта.

В этих статьях мы видим привычный критический метод Чуковского : полемичность и раскрытие сути описываемого. Полемичность прослеживается уже в названиях рассматриваемых статей. Но в данных работах Чуковский идет дальше. Он не просто противопоставляет двух людей друг другу, он показывает их взаимоотношения и дает объяснения тем или

иным поступкам. Так же отмечает противоположное восприятие этих личностей современниками.

Примерно в 1922 году выходит статья «Тарбагатай» – об отношении Некрасова к деньгам. И здесь мы встречаем Чуковского-критика 1900-1910-х годов. В этой статье Чуковский находит «пункт помешательства» Некрасова и подбирает доказательства из творчества поэта. Но если в начале литературной карьеры в работах Чуковского наблюдалась карикатурность, шаржированность описываемых событий, то в «Тарбагатае» она отсутствует. Чуковский от критика-фельетониста движется к критику-аналитику.

Еще в этот сборник входят статьи, посвященные творчеству поэта. Первая из них – «Кнутом иссеченная муза» – может быть поделена, как и большинство работ Чуковского, на две части: первая – о личности Некрасова, вторая – о его творчестве. Но обе части взаимосвязаны и неотделимы друг от друга.

Так как это одна из ранних статей, то в ней прослеживается один из основных принципов критического метода Чуковского – называние сути. Для Чуковского-критика Некрасов не просто поэт. Он – поэт уныния. И Чуковский подбирает доказательства из творчества поэта. Но в ранних своих статьях (например, в сборнике «От Чехова до наших дней») Чуковский опирается только на произведения исследуемого автора. В этой же работе Чуковский использует не только тексты, но так же привлекает и письма Некрасова.

Перед написанием данной статьи Чуковский сделал открытие, которое позволило ему рассмотреть поэзию Некрасова под другим углом. «Тайна его ритмики заключается в том, что он берет самый энергический, порывистый размер, анапест, богатый восходящими, словно в трубы трубящими звуками и на протяжении строки преобразует его в изнемогающий, расслабленный дактиль» [8, 413]. По мнению Чуковского, эта дактилизация слов свидетельствует о создании впечатления «измывающего душу нытья».

Вторая статья сборника о творчестве – «Проза ли?» – не имеет датировки, но мы предполагаем, что она была написана в 1919 году. Об этом свидетельствует запись в дневнике: «Пишу главу о технике Некрасова – и не знаю во всей России ни одного человека, которому она была бы интересна» [11, 251].

Чуковский и в этот раз вступает в полемику. Только теперь это противостояние не внутреннее, а внешнее: Чуковский полемизирует с теми, кто считал, что «Некрасов внес в нашу поэзию дикцию прозаической повести [8, 427]. По мнению Чуковского, главной отличительной чертой некрасовских ритмов является движение форм к формам противоположного рода. И он приводит разнообразные примеры, подтверждая свою точку зрения.

Третья и самая поздняя статья, вошедшая в сборник, называется «Его мастерство: Заметки о поэзии Некрасова» (1929). Эту работу, на наш взгляд, можно считать предварительной работой перед «Мастерством Некрасова». В ней обозначены основные темы исследования техники Некрасова.

В этой работе меняется сам Чуковский-критик. Уже нет некоего балагурства, карикатурности изображаемого, различной полемики. Теперь Чуковский становится исследователем творчества Некрасова. Он не просто анализирует стихотворения, дает определение всему творчеству поэта (как это было в статье «Кнутом иссеченная муза»). Чуковский выходит на новый уровень изучения творчества Некрасова: он пытается (и весьма успешно) разобраться в технике поэта, его интересуют стиль и форма стихотворений Некрасова. Еще Чуковский вводит поэзию Некрасова в общелитературный контекст (заметка о Некрасове и Пушкине), начинает рассматривать истоки творчества Некрасова.

Последней статьей, напечатанной в 15-ти томном собрании сочинений Чуковского, является работа «Григорий Толстой и Некрасов». Здесь Чуковский выступает не в роли критика, а совмещает в себе историка и биографа. Творчество Некрасова он рассматривает опосредованно. Чуковского интересует то, как отражается реальный человек – Григорий

Толстой – в образе Данкова. Большую же часть статьи занимает жизненный путь Г. Толстого. Для описания жизненных событий Толстого Чуковский использует письма и воспоминания современников.

Итак, на протяжении многолетней работы восприятие Чуковским Некрасова менялось. Вероятнее всего это связано с подходом Чуковского к Некрасову. В начале изучения творчества поэта Чуковского интересовало творчество как таковое: об этом свидетельствуют статьи с анализом произведений Некрасова, статьи об отношении современников Некрасова и современников Чуковского к творчеству поэта. С конца 1920-х годов интерес Чуковского смещается. Теперь его увлекают причины и события, которые сделали поэзию Некрасова такой, какой она есть. Меняется и сам Чуковский: в первых статьях перед читателями предстает критик со своей концепцией об искусстве. В начале 1930-х годов Чуковский становится уже литературоведом, у которого выработался свой взгляд на творчество Некрасова в частности.

2.4. Исследовательская концепция книги «Мастерства Некрасова»

В 1920-е годы, по совету В.Г. Короленко, Чуковский обратился к творчеству Некрасова. Благодаря стараниям Чуковского вышло первое советское собрание стихотворений Некрасова с научными комментариями (1926). Итогом многолетней исследовательской работы Чуковского стала книга «Мастерство Некрасова». В этой монументальной работе Чуковский совершенно по-новому представил творчество Некрасова.

После получения Ленинской премии Чуковский записал в дневнике: «... книга моя “Мастерство” – не творчество, а рукоделие» [13, 357]. Но это были не более чем эмоции. На самом деле Чуковский знал и любил творчество Некрасова. Именно он открыл для широких масс прозу поэта, чего не было сделано ранее никем.

Чуковскому никогда не был интересен революционный дух поэта. Он ставил перед собой иную цель – показать живой образ, раскрыть все стороны поэтического мастерства Некрасова.

Главной особенностью всех литературоведческих работ Чуковского было умение увидеть лицо писателя. В «Мастерстве Некрасова» поэт – живое существо, то родственно близкое самому автору, то неприятное, - но всегда живое. Вероятнее всего, именно поэтому советская общественность, не приученная разглядывать полутона в разнообразии жизни, относилась к литературным работам Чуковского критически.

Во всех своих работах о Некрасове, а особенно в «Мастерстве», Чуковский руководствовался следующим принципом: автор таких литературоведческих работ должен быть одновременно и формалистом, и историком, и эстетом, и социологом. Так же Чуковский разрабатывает новый принцип издания книг – принцип «парадных комнат», который заключается в следующем: вступительный очерк должен быть один, и в нем должна быть дана квинтэссенция всех исследований. Этот принцип находит свое отражение и в «Мастерстве Некрасова».

При работе над «Мастерством» Чуковский стремился исправить ошибки, которые он допускал в ранних статьях: «... наряду с многими подлинно научными работами по текстологии Некрасова, по комментированию отдельных стихотворений Некрасова и т.д. я написал о нем в двадцатых годах много непродуманного, недодуманного, внешне “талантливого”, а внутренне глубоко неверного. Все это лежит на мне грузом, который перестанет тяготить меня лишь тогда, когда я закончу свою теперешнюю книгу о нем» [15, 369].

В «Мастерстве» Чуковский представляет Некрасова как поэта, вышедшего из народа, и чье творчество посвящено только народу. Революционные стихотворения Чуковский рассматривает только с точки зрения проявления «духа» народности. Единственная глава, посвященная

революционно-демократической поэзии Некрасова, – это глава «Железная дорога».

Итак, Чуковский дает первую наиболее полную характеристику творчества Некрасова. Он рассматривает поэзию Некрасова не обособленно, а в контексте с другими литераторами. Анализирует не содержание стихотворений, а именно стиль и форму, чего до Чуковского практически никто не делал.

Эту работу о Некрасове в полной мере можно назвать широкомасштабной. Не только из-за объема, но и потому, что Чуковский, объясняя истоки мастерства поэта, затрагивает различные темы и, развивая их, уходит глубоко и основательно в корень проблемы.

Так, говоря о Некрасове, как продолжателе традиций Пушкина и Гоголя, он отводит много времени и места разбору творчества этих авторов; говоря о фольклоре, имеющем большое значение для Некрасова, получаем обстоятельную картину этого народного творчества и т.п.

Подробно и детально, с использованием черновых вариантов произведений, зачастую построчно, разбираются произведения Некрасова с объяснением технических свойств: дактилических окончаний, ритмического строя, «прозаизмов», эзоповой речи, смысловых оттенков слов и их переосмысления в стихах, придания им тайного смысла поэтом.

Это серьезный труд, в целом дающий полный анализ мастерства (и в этом определении мы согласны с Чуковским) и художественной формы одного из величайших поэтов России.

В данной книге проявляется и критическое мастерство самого Чуковского. В ранних статьях он опирался на итоговые варианты стихотворений Некрасова. В «Мастерстве» же он анализирует и черновики, и оригиналы параллельно. Чуковский в некоторой степени даже восстанавливает ход работы Некрасова над тем или иным произведением. В том числе Чуковский признает свои ошибки, допущенные в ранних статьях. Но Чуковский даже спустя годы остался верен своим литературным

принципам. Он использует семантико-биографический метод, подмечает пункты помешательства» Некрасова. И в то же время Чуковский расширяет границы анализа, что позволяет ему рассмотреть творчество Некрасова с разных сторон.

2.5. Интерпретация Чехова в работах Чуковского-критика

Словно бы в противовес работам о Некрасове Чуковский пишет работы о Чехове. О противопоставлении этих писателей мы заговорили не случайно. Если творчеством Некрасова Чуковский начинает заниматься в силу различных обстоятельств, то исследование творчества Чехова было занятием для души.

Чуковский всю жизнь пристально вглядывался во все, что написал Чехов, тщательно собирал литературу о нем, старался услышать о Чехове от людей, лично знавших его. И на протяжении всей своей жизни писал о нем в дневнике. Вот некоторые из записей его дневников, датированные разными годами: «Я говорил Блоку о том, что если в 16-20 лет меня спросили: кто выше, Шекспир или Чехов, я ответил бы: Чехов» [11, 278]; «Я опять взволновался Чеховым, как в юности, и опять понял, что для меня никогда не было человеческой души прекраснее чеховской» [12, 512]; «Пятьдесят лет со дня смерти Чехова. Ровно 50 лет тому назад, живя в Лондоне, я вычитал об этом в “DailyNews” и всю ночь ходил вокруг решетки Bedford Square’a – и плакал как сумасшедший – до всхлипов. Это была самая большая моя потеря в жизни» [13, 172].

Чуковский с юности мечтал написать книгу о Чехове. Первые свидетельства тому – дневниковые записи 1904 года, предположительно после смерти писателя. Он писал о нем такие статьи как «Англичане и Чехов» (1904), «О чеховском жизненчестве» (1905), «Чехов и пролетарствующее мещанство» (1907), «Чехов и христианство» (1910), «Чехов и Россия» (1913), «Записная книжка Чехова» (1915), «Чехонте и

эзопов язык» (1960), «За что мы любим Чехова?» (1960). Первая книга Чуковского называлась «От Чехова до наших дней» (1908). Последняя книга – «О Чехове» – вышла в 1967 году.

Он всегда с трепетом и уважением относился к наследию Чехова. «Я Чехова боготворю, таю в нем, исчезаю и потому не могу писать о нем — или пишу пустяки» [11, 189]. Произведения писателя после каждого прочтения оставляли след в душе молодого критика. «Я прочитаю рассказ Чехова и уйду, и забуду его совсем, но все, что я не увижу потом: деревья, тучи, женщины, дома, – покажется мне другим, чеховским, как-то нежнее, изящнее, как будто на время он дал мне свои глаза и свое сердце: смотри на все, как я, и чувствуй, как я, – и забываешь свое “мировоззрение” и свое “жизнеощущение”, то, что носишь с собою привычно всегда и улыбаешься всему какой-то новой улыбкой» [6, 488]. Чуковский настолько зачитывался Чеховым, что ему снились сны с его участием: «Мне всю ночь снился Чехов. Будто я разговариваю с ним, и он (я даже помню, каким почерком) внес поправки в издание Гослита» [13, 159].

Чуковского интересует не только творчество Чехова, но и его жизнь. Об этом свидетельствуют заглавия статей, которые имеют прямое отношение к писателю: Чуковский пишет о неизданных письмах Чехова (например, «Народное издание: К 100-летию со дня рождения А.П. Чехова», «Неизданное письмо А.П.Чехова» и другие), о проблемах перевода произведений Чехова за рубежом («В защиту Чехова»). Но больше всего Чуковского-критика и Чуковского-читателя волнует восприятие Чехова в России, правильное понимание его творчества («Заметки читателя: О чеховском жизненчувствии», «Воспитание чувств»).

К сожалению, многие статьи Чуковского о Чехове на данный момент не опубликованы. Информацию о них можно найти в библиографическом указателе Д.А. Бердман.

Наибольшее количество статей о Чехове было написано Чуковским в период с 1905 по 1910 год. Эти статьи интересны не только в плане изучения

критического метода Чуковского, но и тем, что их содержание отличается от других работ молодого критика.

Первая статья, вышедшая в 1905 году, является своего рода рецензией на очерки Бунина и Куприна о Чехове. Соответственно и личность Чехова рассматривается через призму взглядов писателей. Уже в этой работе Чуковский поднимает вопрос о влиянии Чехова на личность, общающегося с ним. «... тон их воспоминаний – совершенно чеховский: в нем столько сдержанной затаенной печали, чуждающейся фразы, рисовки, лишнего слова, лишнего восклицания...» - запишет Чуковский в статье «Воспоминания о Чехове» [6, 322].

Следующие две статьи – «Чехов и пролетарствующее мещанство» и «А.П. Чехов» (входит в сборник критических рассказов «От Чехова до наших дней») – были написаны в 1907 году и имеют сходное содержание. В этих работах Чуковский пишет о форме и героях чеховских произведений. Примечательно, что молодой критик обращается только к чеховским пьесам, совершенно исключая из анализа рассказы Чехова.

В первой из рассматриваемых статей Чуковский пишет о тех, кто ранее анализировал чеховское творчество (Шулятиков, Фриче, Луначарский), и развенчивает их теории. На основании анализа содержания чеховских рассказов Шулятиков, например, приписал Чехову «шаблонно-узкое мировоззрение». Чуковский же, наоборот, призывает анализировать форму, ибо «только в форме может стихийно и непроизвольно отразится создавший ее класс» [6, 530].

Вторую статью, на наш взгляд, можно считать продолжением первой. В ней Чуковский раскрывает мысль о чеховских героях, которая была лишь намечена в статье «Чехов и пролетарствующее мещанство».

По мнению Чуковского, в пьесах Чехова присутствуют два типа героев: говорящие «ясно» (Лопухин, Кулыгин, Медведенко) и говорящие «не то» (Нина Заречная, Соня, дядя Ваня). На противостоянии этих двух начал и построено «движение к неизбежному – к вечной победе Лопухина над дядей

Ваней» [6, 35]. Главной целью Чехова, как считает Чуковский, было прославление бездельности, безвыгодности, и он «словно дал Аннибалу клятву – презирать, ненавидеть <...> того, кто работает целесообразно и закономерно» [6, 38].

В 1910 году в печати появляются еще две статьи Чуковского о Чехове.

Статья «Письма Чехова», с одной стороны, является рецензией на изданную в 1910 году книгу писем Чехова, с другой, – статья о личности Чехова. Но в этой же работе Чуковский дает краткий анализ изданных работ о чеховских письмах и высказывает свои надежды и ожидания в связи с будущими исследованиями.

Последней увидела свет статья «Чехов и христианство». Здесь Чуковский высказывает свой протест тем, кто обвинял Чехова в безыдейности, всем тем, кто говорил, что в произведениях писателя нет ничего святого. И на примере пьесы «Три сестры» доказывает обратное.

Глобальной работой о Чехове стала книга, выпущенная в конце 60-х годов. Чуковский назвал ее просто – «О Чехове». Книга поделена на три главы, но все они рассказывают об одном – о незаурядной личности Чехова.

Первые две главы дают представление о Чехове как человеке с необычным характером. Воссоздает ее Чуковский на страницах своей книги благодаря письмам Чехова к разным людям, использует воспоминания современников о нем. Основная идея этих двух глав сводится к следующей мысли – Чехов был тем человеком, кто создал себя сам; а главная черта его характера – могущественная воля.

В третьей главе Чуковский обращается непосредственно к творчеству Чехова. Но в начале он дает обзор критических работ о Чехове, а также разбирает те ошибки, которые были допущены как современниками Чехова, так и современниками Чуковского. «... писатель в глазах современников остался до конца своих дней незнакомцем. Им был выдуман, для собственных надобностей, свой собственный Чехов, несколько не похожий на

подлинного» [4, 285] – напишет Чуковский о читающей публике 1890-х годов.

В этой главе Чуковский не ставил перед собой задачу охарактеризовать творчество Чехова в целом. Для него было важно «наиболее эффективными способами дать наглядное представление о том, как живописен чеховский язык, как богат он тонкими оттенками смысла и сколько в нем экспрессивной динамики» [4, 370].

Целью же всей книги является желание Чуковского показать, как и благодаря чему изменился Чехов на протяжении всей своей литературной деятельности. И Чуковский раскрывает «секрет» Чехова: «Здесь можно воочию видеть действие извечного закона, которому подвластно искусство: чтобы облагородить свой стиль, нужно облагородить себя» [4, 378]. Рассказывая об эволюции Чехова, об его сложном художественном мире, о языке и поэтической живописи, Чуковский горит желанием сказать о Чехове то, чего до него еще никогда не говорилось. Книга «О Чехове» написана не только о том, каким был Чехов, но и о том, каким должен быть настоящий писатель.

Теперь рассмотрим подробнее критический метод Чуковского в статьях о любимом писателе.

В статье «А.П. Чехов» критик использует один из ведущих принципов – прием выделения словесной доминанты. Так, по Чуковскому, Чехов – «скрытнейший из художников». Ведь для эстетики Чехова «художественная откровенность просто невыносима» [6, 33]. И далее он подбирает ситуации, слова, приемы Чехова, чтобы подтвердить эту точку зрения.

Еще один прием Чуковского, который проходит почти через все его литературно-критические статьи, – это прием противопоставления. Данная работа не стала исключением. В ней использована внутренняя полемика – показан конфликт двух типов чеховских героев, а так же двойственное отношение самого Чехова к своим персонажам. На взгляд Чуковского, двойное восприятие Чеховым своих героев лежит в основе его

жизнеощущения: «Чехов и вправду не любил ни дела, ни делячества, ни дельцов, но это оттого, что ему была ненавистна всякая цель, всякая целесообразность, всякое планомерное устремление к данному пункту; это потому, что он любил и славил, и воспевал единое мировое начало, великую бездельность, безвыгодность, самоцель...» [6, 38]. А в основу этого мироощущения лег «новоявленный герой российской истории, город» [6, 39]. В разборе «жизнеощущения» Чехова Чуковский опять прибегает к противопоставлению. Только теперь полемика внешняя – чеховский взгляд на жизнь противоположен взгляду остальных (Чуковский называет их врагами).

Необходимо отметить, что именно в этой полемике Чехов «совершил великое историческое дело», по мнению Чуковского. В чем оно заключалось? Критик сам дает ответ на этот вопрос: «Он развил, укрепил, установил то распределение общественных симпатий и антипатий, которое так было нужно нашей трудной эпохе, и своей стихийной неприязнью к миру целей подорвал глубочайшую и предвечную сущность мещанской культуры — утилитаризм» [6, 40].

Статья «Воспоминания о Чехове» полностью построена на приеме противопоставления.

«Письма Чехова» – несколько выбиваются из привычного жанра литературно-критических работ Чуковского. Как мы уже говорили выше, это своего рода рецензия (ранее опубликованных статей в этом жанре мы не нашли). Но Чуковский все равно остался верен себе. Он так же использует прием выделения словесных доминант, прием противопоставления (две личности Чехова, два напечатанных сборника писем Чехова).

Статья «Чехов и пролетарствующее мещанство» служит яркой иллюстрацией изменения акцентов критического метода Чуковского-критика. О методе критика-фельетониста напоминает противостояние с другими исследователями творчества Чехова. Причем Чуковский в открытую насмехается над ними, ерничает и ставит на них свои метки, которые не подлежат опровержению. Но здесь происходит перелом – взгляд Чуковского-

критика с названия «души», «сути» исследуемого писателя сместиться в сферу формы, стиля, языка изучаемого творца.

Примечательно, что в этой статье Чуковский не просто пишет о восприятии Чехова исследователями, читателями. Здесь критик обращается еще и к историческому контексту, чего ранее в статьях о Чехове не наблюдалось.

Эта работа так же отражает основные понятия и принципы эстетической концепции Чуковского, которая оформилась окончательно: «бессознательное выражение», «стиль», «язык», важно исследовать не «что писатель сказал», а «как писатель сказал». Именно через стиль и манеру, по мнению Чуковского, проявляется «бессознательное выражение воли пославшего его [Чехова] класса» [7, 532].

Последней рассматриваемой нами статьей будет «Чехов и христианство». Наверно, это самая полемичная статья: это следует и из заглавия, и из ее содержания.

Чуковский здесь выступает и в роли литературного критика, и в роли защитника Чехова от нападок. Главная отличительная черта произведений Чехова, по мнению критика, заключается «в этой необыкновенной силе лиризма. Все забудешь, и заглавие его вещей, и фабулу их, а сияние в душе останется, безымянное, беспредметное, как будто ты в кого-то влюбился, или прочитал свой забытый дневник, или вспомнил именины в детстве, — такой сверхъестественной силы лиризма я из русских писателей не знаю ни у кого» [7, 488]. Исходя из приведенной выше цитаты, Чуковский доказывает, что Чехов «использовал» в своем творчестве христианство. Только скрывал его, выражал его через «красоту, умиление, нежность».

Таким предстает перед читателем Чуковский-критик в своих ранних работах о Чехове. Но в конце 1960-х годов выходит еще одна. Изменился ли Чуковский-критик здесь?

На первый взгляд, нет. Вся книга, от первой до последней страницы, пронизана неослабевающей любовью Чуковского к Чехову. Он все так же

является защитником писателя, его почитателем не только как творца, но и как сильной личности, которая сама построила свою жизнь.

Но если присмотреться к элементам критического метода Чуковского-литературоведа, становится заметно, что он меняется. Большое внимание в работе уделяется не столько творчеству, сколько самой жизни Чехова. Сначала это вызывает недоумение, зная раннюю манеру Чуковского-критика, – чуть не с первых строк бросаться в бой. Объясняется такое построение книги просто – благодаря своим личностным качествам Чехов смог проделать путь от Антоши Чехонте к Антону Чехову.

Да, Чуковский все так же пользуется приемом выделения словесных доминант. В книге материалом ему служат не только и не столько чеховские произведения, сколько его записные книжки и письма. Во многом на основе именно этих документов Чуковский и выстраивает повествование в своей книге. Излюбленный прием противопоставления, скрытой и открытой полемики присутствует и здесь. Но в этом приеме уже нет той бравурности, желания задеть, «ужалить» своих оппонентов.

Если в ранних статьях он сначала «вычислял» наиболее употребляемые слова, мотивы, образы в творчестве одного автора, а затем давал ему «определение», то здесь в книге «О Чехове» все наоборот. Чуковский изначально дает определение той или иной сфере как жизни, так и творчества Чехова, и только потом разворачивает свои доказательства.

Но, несомненно, также и то, что Чуковский пытался раскрыть перед читателем «душу» Чехова, показать «подвиг его труженической, творческой жизни, благодаря которому он в течение такого короткого времени очистился от писательских приемов и навыков, усвоенных им в ранние годы. Здесь с особой наглядностью становятся очевидны для каждого красота и величие упорного самовоспитания человеческой личности, жаждущей моральной чистоты» [4, 378].

Итак, Чехов был единственным писателем, о котором критик писал без какого-либо ерничества, смешливости. Работы Чуковского о нем полны

восхищения и желания разобраться в творчестве Чехова, приблизиться к нему. Если в своих статьях Чуковский и вступал в полемику, то это была защита Чехова от «злой» критики, которая пыталась вывернуть его творчество наизнанку.

В его представлении, Чехов был не только сложным, но и скрытным писателем. Чуковский вступает в полемику с другими исследователями потому, что они превратно толкуют творчество Чехова. Чуковский в своих работах представляет совершенно иной взгляд на стиль чеховских произведений, показывает иной смысл чеховских произведений. Там, где другие видели безволие, уныние, вялость, Чуковский находил мощь и волю. Для Чуковского Чехов был образцом человечности. Он пытался следовать многим чертам его характера.

Таким образом, главный вопрос, который занимает критика на протяжении многих лет – это вопрос о соотношении формы и содержания. Уже с ранних статей Чуковский отдает предпочтение форме, отмечая, что только в ней может проявиться «создавший ее класс». В дореволюционных статьях (особенно это видно в работах о Некрасове) Чуковский анализирует стиль Чехова: «Я изучаю излюбленные приемы писателя, пристрастие его к тем или иным эпитетам, тропам, фигурам, ритмам, словам» [14, 446]. В работах 1950-1960-х годов стиль изучаемого автора отходит на второй план. Теперь для Чуковского важно, во-первых, убрать «весь мусор неправд и полуправд» [Чуковский, 1958, 91], которые образовались вокруг имен писателей (в данном случае Некрасова и Чехова); во-вторых, в этих работах появляется охват всего творчества; в-третьих, меняется субъективная оценка самого критика: Чуковский больше «не навешивает ярлыки». Наоборот, раскрывая творчество писателя, он предоставляет читателю возможность определить для себя, каким же был исследуемый автор.

Глава 3. Методические рекомендации

Среди литературно-критических произведений выделяют несколько видов. Это непосредственно критические статьи, рецензии, эссе и письма. Главным отличием литературно-критических произведений является обязательное присутствие в них ярких и метких оценок художественных произведений.

Изучение литературно-критических статей на уроках литературы в школе позволит развить у учащихся не только интерес к глубокому анализу художественного текста, но и подтолкнуть их к изучению критического наследия. Это, в свою очередь, будет развивать у учащихся различные умения, напрямую связанные с критическим мышлением школьников.

Литературно-критические статьи способствуют выполнению различных задач литературного образования школьников. Во-первых, это углубленное изучение произведения. Во-вторых, статьи критиков служат для школьников образцом анализа художественного произведения. Благодаря этим статьям учащиеся могут выработать свой метод обращения с текстом.

Изучение литературной критики на школьных уроках литературы дает представление о ней как об одном из видов творчества. При этом у критики двойная цель существования – анализ не только художественных произведений, изучаемых в школьном курсе, но и анализ жизненных явлений, которые находят свое отражение в текстах.

Критика – феномен русской культуры. С XIX века и до настоящего времени она занимает место, равное месту самой литературы. При этом русская критика совмещает в себе элементы этики, эстетики и социологии.

Интересные мысли о литературной критике высказал Л. Выготский в своей работе «Искусство и жизнь». Он рассматривает критику как «основную

общественную силу, которая пролагает пути искусству, оценивает его и назначение которой ... заключается в том, чтобы служить передаточным механизмом между искусством и обществом» [Выготский, 1968, 323]. С психологической точки зрения роль критики сводится к организации последствий искусства: «Задача критики только наполовину принадлежит к эстетике, наполовину она общественная педагогика и публицистика. <...> Разыскание социологического эквивалента ... художественного произведения составляет первую половину задач критики. Другая половина заключается в том, чтобы сохранить действие искусства как искусства, не дать читателю расплескать возбужденное искусством силы и подменить его могучие импульсы пресными протестантскими рационально-моральными заповедями. <...> Определение социологического эквивалента всякого ... литературного произведения осталось бы неполным, а следовательно, неточным в том случае, если бы критик уклонился от оценки его художественных достоинств» [Там же, 325].

Литературно-критические статьи можно использовать в качестве вариантов интерпретации текста. При использовании на уроках литературы критического материала происходит столкновение разных точек зрения на один предмет. Например, при изучении стихотворения Некрасова «Железная дорога» можно познакомить учащихся с работами Ю. Тынянов «Стиховые формы Некрасова» и главой «Железная дорога» Чуковского из книги «Мастерство Некрасова».

Так же интересно сопоставлять литературно-критические статьи разных лет с устоявшейся точкой зрения на произведение. При изучении поэзии Некрасова можно предложить учащимся сравнить известную интерпретацию творчества поэта в целом и фрагменты, как из статей Чуковского, так и из «Мастерства Некрасова».

Каждая литературно-критическая статья свидетельствует и об исторической эпохе, в которой она была написана. Это ярко отражено в статье «Некрасов и модернисты», которую можно предложить учащимся как

на вводном уроке о поэзии Некрасова, так и на уроках о поэзии Серебряного века.

При привлечении критических статей важно использовать элементы дискуссии. Это позволит учащимся высказывать свое мнение о тех или иных положениях статьи. Например, на уроке о гражданской лирике Некрасова можно использовать прощальную речь Ф.М. Достоевского, статью А.М. Скабичевского «Николай Алексеевич Некрасов, как человек, поэт и редактор», статью «Об историческом значении Некрасова как поэта» Д.Л. Мордовцева и главу «Пушкин и Некрасов» Чуковского из книги «Мастерство Некрасова». И на основании этих работ сопоставить тему поэта в творчестве Пушкина и Некрасова, отношение к ним современников и исследователей.

Литературно-критические статьи позволяют проводить как на школьных, так и на внешкольных занятиях различные мероприятия. Так, при рассмотрении поэзии Некрасова можно провести театрально-художественный диалог (ролевая игра) между участниками, представляющими оппозиции современников Некрасова и поэтом Серебряного века (за основу можно взять упомянутую ранее статью «Некрасов и модернисты»).

На занятиях по изучению монографической темы в работе над материалами критических статей выделяются два основных этапа. Первый этап – обращение к фрагментам статей, отдельным высказываниям критиков и литературоведов при анализе текста. Второй этап – анализ текста статьи критика.

В комплексной работе над литературно-критической статьей можно выделить следующие этапы:

- предварительное знакомство с автором-критиком;
- история создания статьи;
- характеристика художественно-эстетической позиции автора;
- чтение и комментирование статьи;

- анализ отдельных положений;
- конспектирование или тезирование.

Покажем методику работы с критическим источником на примере литературных статей Чуковского о Некрасове.

В 10 классе, давая общую характеристику поэзии Некрасова во вступительной лекции, приведем утверждение А. Дружинина: «Редкий из современных литераторов встречал со стороны своих ценителей и большую слепоту, и большую сухость приговора» [Дружинин, 1983]. Отметим, что на рубеже веков некрасовская поэзия приобрела широчайшее распространение в демократических слоях общества, однако она еще не получила того окончательного признания, которое поэт имеет в наше время. Наряду с горячей любовью поэзия Некрасова вызывала резкое неприятие у значительной части общества. Особую роль в осмыслении некрасовского творчества сыграли статьи Чуковского. Приблизить поэта к восприятию предубежденных против него современников критик мог только путем выделения, подчеркивания пластов его творчества, близких и понятных его современникам. Потому на первый план в его статьях выдвигается оригинальность и широта некрасовского творчества, художественное мастерство, новаторские достижения в области поэтики. Из сборника «Его мастерство: Заметки о поэзии Некрасова» на занятии можно использовать несколько записей. Это «Некрасов и традиционная поэтика», «Три линии некрасовского стиля», «Дактилизация рифм», «Перерождение метра». В данных заметках Чуковский раскрывает особенности творческой мастерской Некрасова, вводит его поэзию в общий контекст литературы, указывая схожие черты творчества Некрасова и Пушкина, Лермонтова.

Представим методику работы над критической статьей в форме таблицы (за основу взята работа Царевой О.И.):

Целевые установки	Этапы работы	Методы и приемы
Создать представление о критике как интерпретаторе художественной литературы	Предварительное знакомство с автором статьи	Рассказ учителя о Чуковском как поэте, переводчике, критике литературы
Объяснить мотивы обращения к творчеству Некрасова в данный исторический период	История создания статьи	Сообщение ученика о полемике вокруг Некрасова как поводе для написания статей
Раскрыть мировоззренческую позицию автора-критика,	Характеристика художественно-эстетической позиции автора статьи	Комментирование учителя, краткие сведения о критическом методе Чуковского
Способствовать адекватному пониманию текста статьи	Чтение статьи. Комментирование. Анализ	Классное чтение (выборочное), комментирование отдельных положений, домашнее чтение, конспектирование
Способствовать осмыслению оригинальной концепции творчества писателя	Обсуждение статьи в целом. Рассмотрение основных положений статьи	Проблемное обсуждение положений статьи с элементами дискуссии
Вырабатывать навыки критической интерпретации	Подведение итогов	Итоговая беседа, сообщение о роли статей Чуковского в становлении некрасоведения

Работы Чуковского-критика можно использовать не только на уроках по программным произведениям. Если на уроках не получается использовать литературно-критические материалы, то можно ввести их на занятиях элективного курса. Целесообразно проводить такие занятия на протяжении всех ступеней обучения литературе (особенно если класс с профилем «Литература»).

Элективный курс предполагает систематическое чтение литературно-критических статей как по программным произведениям, так и по

произведениям из списка для внеклассного чтения. Задача курса по литературной критике – научить учащихся размышлять над художественным произведением, воспринимать его объективно, не останавливаясь на «классической» интерпретации текста.

В соответствии с этим, целью элективного курса становится формирование читателя, который способен полноценно, а главное адекватно, воспринимать литературные произведения.

Критические статьи Чуковского можно использовать при изучении художественных произведений с конца XIX века и до середины XX века. Данный выбор периода обусловлен несколькими факторами: Чуковский жил и творил в это время, произведения этих лет разнообразны и в плане жанра, и в плане эстетики, и плане целевой аудитории произведений.

На занятиях о литературно-критических работах Чуковского необходимо объяснить учащимся позицию критика. Чуковский выступает, с одной стороны, фельетонистов, с другой – литературоведом. Обращаясь к его статьям, нужно изначально настроить учеников на иное восприятие, чем при знакомстве со статьями Белинского, Дружинина, Гончарова. В работах Чуковского сложно найти анализ произведения в целом (исключение составляет «Мастерство Некрасова»). Но учащиеся познакомятся с взглядами критика на духовный мир писателя, увидят, как он изучал вопросы, связанные с психологией творчества.

На первой занятии по литературной критике XX века необходимо объяснить учащимся все разнообразие критических стилей и жанров. Обращаясь к так называемой «новой» критике, сформировавшейся в начале века, можно использовать для ее характеристики статью Чуковского «О короткомыслии».

Критическое наследие Чуковского – поле для обширного изучения. Несколько занятий можно уделить исследованию философско-эстетической концепции Чуковского: рассмотреть ее истоки, основные понятия, как и под влиянием чего она складывалась. Без изучения основ концепции критика

невозможно будет разобраться в его взглядах на искусство. На занятиях по изучению эстетической концепции критика желательно обратиться к следующим статьям: «К вечно-юному вопросу», «Письма о современности», «Дарвинизм и Леонид Андреев: Второе “письмо о современности”», «К толкам об индивидуализме».

Также несколько занятий стоит посвятить разбору критического метода Чуковского. За основу на этих занятиях стоит взять статью «О мелочах» и письмо к М. Горькому, датированное 1920 годом. В них Чуковский дает объяснения специфике своего критического метода. В занятиях по этой же теме необходимо разобрать, какими средствами анализа художественного произведения пользуется критик.

В контексте изучения критического метода Чуковского можно сопоставить его работы с критическими работами его современников. Например, с работами А. Измайлова, Н. Абрмовича, а также с работами старшего поколения критиков: В.В. Розанова, А.Г. Горнфельда. На этом сопоставлении ярко проявится специфика метода Чуковского, основные доминанты его исследовательской деятельности как критика.

После рассмотрения основ литературно-критических работ Чуковского, можно проводить занятия по исследованию критического метода в статьях разных лет. Для этого целесообразно использовать статьи Чуковского, посвященные одному писателю. Например, статьи об А. Блоке и итоговую книгу «Александр Блок как человек и поэт», работы о М. Горьком и книгу «Две души М. Горького», статьи о Некрасове, Чехове и других писателях.

Работа с литературно-критическими источниками позволяет сформировать у учащихся различные способности и умения:

- умение исследовать историко-литературный материал под определенным углом зрения;
- умение проблемно, публицистически, заостренно воспроизводить концепцию произведения;

- умение обоснованно строить трактовку произведения;
- умение аргументировать предпочтения той или иной точки зрения.

Работа с критическими текстами на уроках и в процессе самостоятельной работы может улучшить литературное образование школьников, их духовное, художественно-эстетическое развитие, речевую деятельность.

Заключение

Чуковский был заметной фигурой сначала в сфере литературной критике, а затем в литературоведении. Но творческая жизнь критика на протяжении многих лет была подобна бурному морю.

В первые годы критической деятельности Чуковского современники воспринимали его как нечто временное, непостоянное, недолговечное. Но с середины 1910-х годов происходят изменения в рецепции современниками работ молодого критика. В этот период почти из-за каждой статьи Чуковского в печати разгорались споры.

Сейчас довольно трудно определить, почему была такая реакция у современников Чуковского. Возможно, молодой критик сознательно провоцировал читающую публику для привлечения внимания к своей персоне. Однако мы считаем, что основной причиной был оригинальный взгляд Чуковского-критика на современную действительность.

Философско-эстетическая концепция Чуковского формируется в конце XIX – начале XX века. На протяжении творческой деятельности эстетическая база остается прежней, меняются только ее приоритеты. Если в ранних литературно-критических статьях Чуковский давал «определение» каждому из исследуемых авторов, то с конца 1910-х годов его интересует проявление писательской индивидуальности, которое бессознательно выражается в тексте через язык и стиль.

Исходя из дневниковых записей и подзаголовков литературно-критических книг Чуковского, можно сделать вывод, что сам автор не считал свои работы только научными. Ведь он дает им совершенно другие определения: «Критические рассказы», «Портреты современных писателей».

На стиль литературно-критических работ Чуковского повлияли популярные в начале XX века публичные лекции. Многие статьи были опубликованы в таком виде, в каком мы их знаем, только после того, как были прочитаны их автором для широкой аудитории. В этом плане интересна запись Л.Я. Гинзбург за 1930 год о Чуковском: «Пишет хуже, чем он есть на самом деле. Не то нарочно, для доступности; не то по связи со старыми своими литературными традициями» [Лукьянова, 2006, 540].

Отличительной чертой литературно-критического метода Чуковского становится лингвостилистический анализ (термин предложен М. Дроздой). А излюбленными приемами Чуковского-критика являются скрытая или откровенная полемика, прием выделения словесных доминант, анализ не «что» сказал писатель, а «как» он сказал (движение от содержания к форме).

Критический метод Чуковского объединяет в себе принципы различных направлений в критике: семантический, биографический, формалистский (можно даже говорить о влиянии Чуковского на формалистов), элементы психологии и социологии. Но на протяжении творческой деятельности Чуковского, его литературно-критический метод претерпевает изменения. Вероятные причины изменения могут быть разными: от влияния той или иной эпохи до изменения взглядов самого Чуковского на творчество исследуемого автора. Так же это связано со смещением акцента в изучении личности писателя: от «души» творца к ее проявлению через стиль и язык.

На примере работ о Некрасове и Чехове мы выделили эволюцию литературно-критического метода Чуковского. Когда происходит перелом его метода определить довольно сложно. По мнению Т. Карловой, переломным в этом отношении является 1909 год, когда «Короленко обратил внимание на талантливого журналиста, в погоне за броскими публикациями рисковавшего погубить свое перо, и нарисовал ему перспективу серьезной работы над произведениями поэтов-демократов Н.А. Некрасова, Т.Г. Шевченко» [Карлова, 1988, 5-6].

В своих ранних работах Чуковский всегда открывал в творчестве изучаемого писателя что-то новое, ранее не подмеченное никем из критиков. В поздних работах это, безусловно, тоже присутствует, но на первый план выходит как систематизация имеющегося у Чуковского материала, так и раскрытие специфики творчества исследуемого автора.

Отличительной особенностью дореволюционных работ Чуковского является опровержение устоявшихся суждений и оценок исследуемого автора. В последних же книгах это противостояние сходит на нет: встречаются лишь отдельные моменты, когда Чуковский вступает в полемику. Связано это обычно с восприятием творчества автора его современниками.

До 1920-х годов в методе Чуковского прослеживается синтез критики и публицистики. В дореволюционных работах критический метод Чуковского – это метод критика-фельетониста, чьи работы вызывали резонанс в творческой среде. В последующих работах меняет свое амплуа на критика-литературоведа.

Список литературы

1. Аврелий. К. Чуковский. «От Чехова до наших дней» / Аврелий // Весы. – 1908. - № 11.
2. Алигер, М. Спасибо за этого путника / М. Алигер // В мире книг. – 1982. - №3.
3. Батюшков, Ф. Спор о перепечатках и Пинкертон в литературе / Ф. Батюшков // Новая Русь. – 1910. – 12 апреля.
4. Безелянский, Ю. 99 имен Серебряного века / Ю. Безелянский. – М.: Эксмо, 2009. – 637 с.
5. Беленсон, А. 222 России / А. Беленсон // Жизнь искусства. – 1919. – 19 декабря.
6. Берестов, В. Всеми любимые строки / В. Берестов // Книжное обозрение. – 1982. – 26 марта.
7. Блок, А. О современной критике / А. Блок // Час. – 1907. – №. 61.
8. Боброва, О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте : автореф. дис. ... канд. фил.наук : 10.01.01 / Боброва Ольга Борисовна. – Волгоград, 2007. – 24с.
9. Богданов, А. Критик-птеродактиль / А. Богданов // Наше эхо. – 1907. – 27 марта.
10. Богданов, А. Честный уж / А. Богданов // Наше эхо. – 1907. – 6 апреля.
11. Вайль, П. Родная речь. Уроки изящной словесности / П. Вайль, А. Генис. – М.: Независимая газета, 1991. – 191 с.
12. Василевский, И. «Невзрослые и маститые» / И. Василевский // Петербургский курьер. – 1914. – 24 мая.
13. Василевский, И. К. Чуковский / И. Василевский // Свободные мысли. – 1911. – 6 февраля.
14. Войтоловский, Л. Воскресший Брамбеус или нечто о литературном паясничестве / Л. Войтоловский // Киевская мысль. – 1909. – 2 апреля.

- 15.Выготский, Л. Искусство и жизнь / Л. Выготский. – М.: Искусство, 1968. – 345 с.
- 16.Герценштейн, Д. Куда девалась литература и интеллигенция? / Д. Герценштейн // Новая Русь. – 1909. – 9 января.
- 17.Гинзбург, Л.Я. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Советский писатель, 1989. – 608 с.
- 18.Голубков, М.М. История русской литературной критики XX в. (1920-1990-е гг.) / М.М. Голубков. – Москва: Академия, 2008. – 368 с.
- 19.Горнфельд, А. Чуковский / А. Горнфельд // Столичная почта. – 1908. – 3 февраля.
- 20.Гроссман, Л. Пинкертон критики / Л. Гроссман // Одесские новости. – 1911. – 6 мая.
- 21.Гурович, Л. Без мерил / Л. Гурович // Литература и эстетика: Критические опыты и этюды. – 1912.
- 22.Деркач. Две литературы / Деркач // Россия. – 1906. – 23 декабря.
- 23.Добин, Е. Сюжетное мастерство критика / Е. Добин // Новый мир. – 1970. - №3.
- 24.Докукина, А. Розанов и Чуковский / А. Докукина. – 1993. – Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/dokukina.htm>
- 25.Дрозда, М. К. Чуковский – литературный критик / М. Дрозда . – 1970. – Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/drozda.htm>
- 26.Дружинин А. В. Литературная критика / Сост., вступ. ст. Н. Н. Скатова; примеч. В. А. Котельникова. – Москва : Советская Россия, 1983.
- 27.Ермошин, Ф. Корней Чуковский как литературовед: к проблеме субъекта и объекта историко-литературного исследования / Ф. Ермошин // Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/Ermoshin.htm>

- 28.Ерофеев, И. Ю. Оскар Уайльд в литературной критике К. Чуковского / И.Ю. Ерофеев // Наука о человеке: Гуманитарные исследования. – 2013. - № 2.
- 29.Жилкин, И. Резвость мысли / И. Жилкин // Слово. – 1908. – 8 июня.
- 30.Загорский, М. О горьком сладчайшем / М. Загорский. Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/zagorskiy.htm>
- 31.Здольников, В.В. История русской литературной критики (XVIII-XX век): учебное пособие / В.В. Здольников. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2012. – 172 с.
- 32.Золотонос, М. Не «дедушка Корней», а именно «белый волк» / М. Золотонос // Санкт-Петербургский университет. – 1998. - № 13.
- 33.Иванова, Е. Годы известности Чуковского-критика / Е. Иванова // Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15-ти т. Т. 7: Литературная критика. 1908 - 1915. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. – С. 5 – 24.
- 34.Иванова, Е. Литературная критика в газетах и журналах начала XX века / Е. Иванова // Критика начала XX века. М.: Олимп, 2002. – 307 с.
- 35.Иванова, Е. Неизвестный Чуковский / Е. Иванова // Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15-ти т. Т. 6: Литературная критика (1901 – 1907). М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. – С. 5 – 28.
- 36.Иванова, Е. Чуковский после семнадцатого / Е. Иванова // Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15-ти т. Т. 8: Литературная критика. 1918 - 1921. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. – С. 5 – 28.
- 37.Иванович, С. Человек, который смеется... / С. Иванович // Запросы жизни. – 1911. - № 7.
- 38.Игнатов, И. «О Всеволоде Гаршине» г. Чуковского / И. Игнатов // Русские ведомости. – 1909. – 30 декабря.
- 39.Измайлов, А. О вечно-ничтожном. По поводу лекции К.И. Чуковского / А. Измайлов // Биржевые ведомости. – 1915. – 6 апреля.

40.История русской литературной критики: учебник для вузов / В.В. Прозоров, О.О. Милованова, Е.Г. Елина и др.; под общ.ред. В.В. Прозорова. – М.: Высшая школа, 2002. – 463 с.

41.История русской литературы: XX век: Серебряный век / под ред. Ж. Нива, И. Сермана, В. Страды, Е. Эткинда. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1995. – 704 с.

42.Каверин, В. Дневник К.И. Чуковского / В. Каверин // Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15-ти т. Т. 11: Дневник 1901 – 1921. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. – С. 5 – 14.

43.Каверин, В. Памяти К.И. Чуковского / В. Каверин // Новый мир. – 1970. - № 8.

44.Казаркин, А.П. Русская литературная критика XX века / А.П. Казаркин. – Томск: Изд-во Томского университета, 2004. – 350

45.Карлова, Т.С. К. Чуковский – журналист и литературный критик / Т.С. Карлова. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1988. – 144с.

46.Качалкина, Ю. Больше, чем Айболит / Ю. Качалкина // Книжное обозрение. – 2003. – 7 июля.

47.Князев, В.В. Тарзан от критикан / В.В. Князев // Красная газета. – 1924. – 17 февраля.

48.Коган, П. С. К. Чуковский. «Некрасов как художник» / П.С. Коган // Печать и революция. – 1922. - №2.

49.Кочеткова, А.А. К.И. Чуковский – литературный критик 1900-1910-х годов: автореф. дис. ... канд. фил.наук: 10.01.01 / Кочеткова Анастасия Александровна. – Саратов, 2004. – 21с.

50.Кранихфельд, В. Литературные отклики / В. Кранихфельд // Современный мир. – 1908. - № 2.

51.Кулешов, В.И. История русской критики XVIII – начала XX веков : учебник для студентов по специальности «Русский язык и литература» / В.И. Кулешов. – Москва: Просвещение, 1991. – 432 с.

- 52.Лакшин, В.Я. Писатель, читатель, критик / В.Я. Лакшин // Новый мир. – 1965. - № 4.
- 53.Лакшин, В.Я. Писатель, читатель, критик / В.Я. Лакшин // Новый мир. – 1966. - № 8.
- 54.Лукьянова, И. Корней Чуковский / И. Лукьянова. – Москва: Молодая гвардия, 2006. – 988 с.
- 55.Лурье, С. Воспоминания о Корнее Чуковском / С. Лурье // Звезда. – 2012. - №6.
- 56.Любомирский, О. К.И. Чуковский и его «Чукоккала» / О. Любомирский // Московский литератор. – 1959. – 22 октября.
- 57.Любош, С. Корней Чуковский / С. Любош // Слово. – 1908. – 24 ноября.
- 58.М.Г. К. Чуковский. «От Чехова до наших дней» / М.Г. // Вестник Европы. – 1908. - № 3.
- 59.М.К. «Отраженная жизнь» / М.К. // Утро России. – 1911. – 29 января.
- 60.Максимов, В. Сдача и гибель русской интеллигенции / В. Максимов // Правда. – 1994. – № 222.
- 61.Михайлов, О. Стиль, отвечающий теме / О. Михайлов // Новый мир. – 1958. - № 11.
- 62.Михайловский, Н.С. Литература и жизнь / Н.С. Михайловский. – Санкт-Петербург: типография газеты «Новости», 1892. – 395 с.
- 63.Мордерер, В. От Чуковского до наших дней / В. Мордерер // Exlibris. – 2003. - № 16.
- 64.Мотяшов, И. Слово о Чуковском / И. Мотяшов. – 1983. – Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/motyashev.htm>
- 65.Норвежский, О. «Лихач большого города» (Корней Чуковский) / О. Норвежский // Раннее утро. – 1908. – 9 ноября.
- 66.Оксман, Ю. Г. На похоронах Корнея Чуковского / Ю.Г. Оксман // Ю.Г. Оксман – К.И. Чуковский: Переписка. 1949 – 1969. М.: Языки славянской культуры, 2001. – 192 с.

- 67.Оленев, Г. Корней Чуковский / Г. Оленев // Мир. – 1910. - №. 6.
- 68.Пашнев, Э. Айболит и Бармалей / Э. Пашнев // Независимая газета. – 1998. – 7 мая.
- 69.Перельмутер, В. Фрагменты о Чуковском / В. Перельмутер. – 2012. – Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/Peremulter.html>
- 70.Петровский, М. «Приметливая острота» / М. Петровский // Детская литература. – 1974. – декабрь.
- 71.Петровский, М. Корней Чуковский / М. Петровский // Книжное обозрение. – 1986. - № 36.
- 72.Петровский, М. Корней Чуковский. «Собрание сочинений» в 6-ти томах / М. Петровский // Советская литература. – 1970. - №4.
- 73.Петровский, М. Что ж ты в лекциях поешь... / М. Петровский // Радуга. – 1988. - № 6.
- 74.Полонский, В. К. Чуковский. «Поэт и Палач» / В. Полонский // Печать и революция. – 1922. - №2.
- 75.Приходько, В. Великолепный литератор Чуковский / В. Приходько // Московская правд. – 1998. - №26.
- 76.Радищев, Л. Книги, люди и Корней Чуковский / Л. Радищев // Звезда. – 1958. - № 12.
- 77.Раевский, Н. Заметки публициста. Что такое К. Чуковский? / Н. Раевский // Новая Русь. – 1910. – 27 марта.
- 78.Рассадин, С. Искусство быть самим собой / С. Рассадин / Новый мир. – 1967. - №7.
- 79.Рейсер, Р. Через 56 лет... / Р. Рейсер // Вопросы литературы. – 1986. - №2.
- 80.Розанов, В.В. Собрание сочинений в 30 т. / В.В. Розанов. – М.: Республика, 1994 – 2013.
- 81.Сарнов, Б. Полная библиография сочинений Корнея Чуковского / Б. Сарнов // Вопросы литературы. – 1985. - № 4.

82. Сатуновский, Я. Корнеева строфа / Я. Сатуновский // Детская литература. – 1995.
83. Свенцицкий, В.П. Что такое К. Чуковский? / В.П. Свенцицкий // Новая Русь. – 1910. - №. 84.
84. Сильный, Л. «От Чехова до наших дней». Несколько мыслей по поводу книги К. Чуковского / Л. Сильный // Вестник литературы. – 1908. - № 4.
85. Сильный, Л. Еще о том, что такое «чуковщина» / Л. Сильный // Вестник литературы. – 1909. - № 5.
86. Сильный, Л. Корней Чуковский как критик-карикатурист / Л. Сильный // Вестник литературы. – 1910. - № 1.
87. Сильный, Л. Обвинительный акт против Леонида Андреева / Л. Сильный // Вестник литературы. – 1908. - № 5.
88. Сильный, Л. Пинкертон русской литературы / Л. Сильный // Вестник литературы. – 1908. - № 11.
89. Сильный, Л. Что такое «чуковщина»? / Л. Сильный // Вестник литературы. – 1909. - № 3.
90. Слуцкий, Б. «Чукоккала» заговорила / Б. Слуцкий // Советский экран. – 1970.
91. Слуцкий, Б. Корней Чуковский / Б. Слуцкий // Библиотека Огонек. – 1991. - № 40.
92. Соловьев, С. Книга воспоминаний К. Чуковского / С. Соловьев // Литературная газета. – 1941. – 2 марта.
93. Сребницкий, А. Сказки дедушки Корнея / А. Сребницкий // Независимая газета. – 1994. – 29 ноября.
94. Турков, А. Свидетель эпохи / А. Турков // Известия. – 1991. – 12 сентября.
95. Тынянов, Ю. Корней Чуковский / Ю. Тынянов // Воспоминания о Корнее Чуковском. М.: Советский писатель, 1977. – 478 с.

96. Тынянов, Ю. Стиховые формы Некрасова / Ю. Тынянов // Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. – Москва : Наука, 1977. 575 с.
97. Урнов, Д. Дед Корней / Д. Урнов // Советская литература. – 1982. - № 4.
98. Усачев, Л. Чуковский и философы / Л. Усачев // Библиотека истории русской философии и культуры. – 2009. – 29 октября.
99. Философов, Д. Дневник журналиста / Д. Философов // Столичная почта. – 1908. – 7 февраля.
100. Философов, Д. Здравый смысл и нездоровые туманы / Д. Философов // Московский еженедельник. – 1909. – 21 марта.
101. Фортунатов, Л. Неумеренные восторги / Л. Фортунатов // Журнал журналов. – 1915. - № 25.
102. Фрид, С.Б. Везувий, извергающий вату / С.Б. Фрид // Вестник знаний. – 1911. - № 22.
103. Фрид, С.Б. Староста литературного цеха / С.Б. Фрид // Вестник знаний. – 1911. - № 16.
104. Хованский, Д. Литературная усобица / Д. Хованский // Одесские новости. – 1910. – 22 июня.
105. Царева О.И. Литературная критика / О.И. Царева. - Режим доступа: <http://www.bsu.by/Cashe/pdf/240033.pdf>
106. Чуковская, Л. Литературный путь Корнея Чуковского / Л. Чуковская // Бердман Д.А. Корней Иванович Чуковский. Библиографический указатель. М.: Русское библиографическое общество, 1999.
107. Чуковский, К. И. Мастерство Некрасова / К.И. Чуковский. – Москва: Художественная литература, 1971. – 709 с.
108. Чуковский, К.И. Собрание сочинений в 15 т. / К.И. Чуковский.– М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012 – 2013.
109. Чуковский, К.И. Чехов / К.И. Чуковский. – Москва : Детская литература, 1958. – 98 с.

110. Эдельштейн, М. Мифы под микроскопом / М. Эдельштейн // Русский журнал. – 2005. – 10 февраля.
111. Эйхенбаум, Б. Методы и подходы / Б. Эйхенбаум // Книжный угол : Критика – библиография. Хроника. – 1922. - №8.
112. Эльзон, М. Д. О «Воспоминаниях» Н.И. Попова и их авторе / М.Д. Эльзон// Русская литература. – 1982. - № 3.
113. Эткинд, Е. Отец и дочь / Е. Эткинд. – 1983. – Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/etkind.htm>
114. Ю.Г. Оксман – К.И. Чуковский : Переписка. 1949 – 1969. М. : Языки славянской культуры, 2001. – 192 с.
115. Ясинский, Г. Не тонем / Г. Ясинский // Биржевые ведомости. – 1909. – 6 мая.